

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

ВЪ КОНЦѢ шестидесятихъ годовъ я былъ секретаремъ редакціи «Новаго Времени», газеты, издававшейся тогда виленскимъ эксъ-революціоннымъ дѣятелемъ Адамомъ Киркоромъ и нѣкимъ Юматовымъ. О послѣднемъ могу сказать только одно: онъ перебрался въ «Новое Время» изъ скарятинской «Вѣсти», какъ говорили, вслѣдствіе легкомысленныхъ отношеній къ нѣкоторымъ принципамъ, отстаиваемымъ Скарятинымъ. По существу своихъ идей оба публициста вовсе не разнотолковали, но Юматовъ любилъ игривое направленіе и главнымъ образомъ озабочивался подпискою и розничною продажей. Такое направленіе въ тѣ поры было еще ново, не то, что нынѣ, и вотъ игривый Юматовъ долженъ былъ перекочевать къ Киркору, который сидѣлъ на мели со своимъ изданіемъ и радъ былъ всякимъ деньгамъ, откуда бы онѣ ни пришли.

Между издателями существовало условіе: одну недѣлю газету велъ Киркоръ, другую — Юматовъ. Газета выходила пестрою. Но по субботамъ, когда въ конторѣ подводились финансовые итоги за недѣлю, при чемъ и я обязательно долженъ былъ присутствовать, Юматовъ постоянно бралъ верхъ: за недѣлю его управленія газета шла много бойче.

— Мои солидные принципы (отстаиваніе польскаго панства въ Литвѣ) пріобрѣтають газетъ уваженіе,—говорилъ Киркоръ.

— А то, о чемъ я пишу, дастъ деньги, — возражалъ Юматовъ.

Спортъ ни къ чему не приводилъ, и оба издателя расходились, браня другъ друга и оставаясь каждый при своемъ воззрѣніи. Ни дружной работы, ни даже простого согласія между ними не было. Юматовъ обзывалъ Киркора напыщеннымъ дуракомъ, а тотъ его— блудникомъ. Для меня оба они были равномѣрно несимпатичны.

По субботамъ у Киркора устраивались журфиксы. Народу собиралось немного и все больше нелитературнаго.

Появлялись захудалые помѣщики изъ Западнаго края. Они съ трепетомъ освѣдомлялись, не слыхать ли чего насчетъ смягченія суроваго режима. Въ ихъ глазахъ Киркоръ былъ особа, которой въ правительственныхъ сферахъ много открыто. Все это были люди разоренные, но, несмотря на это, лукавый редакторъ «Новаго Времени» сумѣлъ и у нихъ вытягивать кое-какія суммы.

— На поддержаніе нашего святого дѣла можно жертвовать и послѣднимъ,—говаривалъ онъ наивнымъ шляхтичамъ, и въ то же время хлопоталъ и даже получалъ субсидіи совѣмъ съ противоположной стороны.

Изъ литераторовъ по субботамъ чаще другихъ приходилъ Николай Ивановичъ Костомаровъ. Пожилой, средняго роста, съ сильною просѣдью въ волосахъ, сосредоточенно сдержанный, онъ терпѣть не могъ Юматова и къ самому Киркору относился холодно. Ни одной своей строчки онъ не далъ въ газету и даже имени своего не позволилъ поставить въ перечнѣ сотрудниковъ. Но деньги, кажется, давалъ, и не одинъ разъ, спасая изданіе отъ краха. Костомаровъ рѣдко принималъ участіе въ общихъ бесѣдахъ въ закуреномъ и переполненномъ разношерстною толпою кабинетѣ редактора. Обыкновенно онъ проходилъ въ гостиную и бесѣдовалъ съ г-жой Киркоръ, умной, пріятной и доброй женщиною. Я тоже держался подалеже отъ кабинета. Разговоры со свояченицею Киркора, хорошенькой Зосей Б—ой, были мнѣ больше по душѣ. Тогда было въ модѣ развивать женщинъ, и я развивалъ Зосю, т.-е. толковалъ ей о свободѣ женщины, о коммунѣ, новомъ устройствѣ міра безъ собственности и семьи. Воспринимала она, кажется, немногое, но слушать—усердно слушала.

Дружба съ Зосей и была важнѣйшею причиною, удерживавшею меня при захудалой редакціи «Новаго Времени», гдѣ мнѣ платили плохо и зачастую заставляли работать даже по ночамъ.

Несравненно интереснѣе были вторичные вечера у Костомарова. Въ ту зиму я бывалъ на нихъ почти постоянно. Онъ жилъ въ 10-й линіи Васильевскаго острова, въ четвертомъ этажѣ. Хозяйствомъ у него, тогда еще холостого, занималась мать—маленькая, очень любезная старушка. Въ большомъ кабинетѣ «историка-беллетриста», какъ обзывалъ Николая Ивановича журналъ «Дѣло», все было незатѣйливо и просто: у задней стѣны стояли книжные шкапы, въ безпорядкѣ заваленные книгами. Напротивъ—два окна

съ простыми занавѣсками; въ простѣнкѣ — потускнѣвшее старое зеркало. На подоконникахъ лежала кучами бумага и книги. У одной стѣны стоялъ диванъ съ сидѣніемъ жесткимъ, какъ камень; у другой—большой письменный столъ бокомъ къ окну. Къ этому столу, когда собирались посѣтителѣ, придвигались кресла, и всѣ мы бывало разсаживались, непринужденно бесѣдуя, слушая хозяина, а онъ говорилъ содержательно, и попивая чай, непремѣнно съ вареньемъ.

Костомаровъ, по крайней мѣрѣ, въ то время былъ мистикъ и вѣрилъ въ сверхъестественное. Странно бывало слушать отъ человѣка такого сильнаго ума и такихъ трезвыхъ воззрѣній о видѣніяхъ, предчувствіяхъ и тому подобномъ. На столѣ зачастую помѣщался большой сѣрый котъ—любимецъ Костомарова. За сѣдѣнную канарейку этого кота впослѣдствіи Николай Ивановичъ весьма серьезно подвергъ суду съ присяжными, адвокатомъ, защитникомъ и представителемъ обвинительной власти и приговорилъ къ изгнанію къ кухню. Но этотъ курьезъ случился много позже.

На вторникахъ костомаровскихъ я встрѣчалъ поэта Якова Петровича Полонскаго, очень молчаливаго человѣка; вѣчно горячившагося и ораторствовавшего болгарина Палаузова; старенькаго старичка астронома Савича и другихъ; однажды, помнится, видѣлъ пріѣхавшаго въ Петербургъ Мордовцева. О его историческихъ трудахъ Николай Ивановичъ отзывался нѣсколько неопредѣленно... Изъ молодыхъ литераторовъ никто не появлялся. Къ «Послѣднимъ годамъ Рѣчи Посполитой», только что напечатаннымъ, молодежь относилась отрицательно. Пертурбаціи тогдашняго газетнаго міра очень интересовали Костомарова; съ наибольшею симпатіею относился онъ къ некрасовскимъ «Отечественнымъ Запискамъ», но печаталъ свои сочиненія въ стасюлевичевскомъ «Вѣстникѣ Европы». Газетъ не жаловалъ, а наше киркоровское «Новое Время» прямо-таки бранилъ.

— Зачѣмъ вы торчите въ этомъ литературномъ задворкѣ?—говорилъ онъ мнѣ.—Для начала литературной карьеры сотрудничество съ Юматовымъ—плохая рекомендація.

Тогдашнее «Новое Время» дѣйствительно было не болѣе, какъ литературный задворокъ.

II.

Кажется, въ февралѣ 1868 г. между Юматовымъ и Киркоромъ возникло серьезное недоразумѣніе. На своей недѣлѣ Юматовъ, хлопота объ увеличеніи розничной продажи, не придумалъ ничего лучше, какъ накатать статейку о петербургскихъ «этихъ» домахъ. Онъ не только «перомъ художника», какъ выражался самъ о своей стряпнѣ, начертилъ портреты наиболѣе популярныхъ изъ «этихъ» дамъ; не только далъ подробный отчетъ о физическихъ качествахъ и характерѣ каждой, но обязательно сообщилъ адреса квартиръ.

Скандалъ вышелъ колоссальнѣйшихъ размѣровъ. Пять тысячъ экземплировъ — неслыханная у насъ вещь — были проданы. Киркоръ сначала не зналъ, быть ли ему довольнымъ, или негодовать, но скоро и для него стало яснымъ. Владимиръ Зотовъ сердито написалъ въ своей газетѣ: типографскія чернила должны были покраснѣть, печатая эту гадость...

Встрѣтивъ меня на Невскомъ, онъ, въ противоположность всегдашнему своему спокойствію и добродушію, гнѣвно заговорилъ, какъ могу я оставаться въ юматовской редакціи.

Костомаровъ прислалъ записку, чтобы ему больше «Новаго Времени» не высылали.

На субботнемъ журфиксѣ въ кабинетѣ редактора была пустыня: никто не явился.

М. П. Оедоровъ, писавшій воскресные фельетоны, отказался отъ сотрудничества.

— Я тоже ухожу отъ васъ, — говорилъ я Зосѣ Б—ой. — Мнѣ скоро руку перестанутъ подавать, если я буду продолжать работать съ Юматовымъ.

Марья Ивановна Киркоръ (настоящее ея имя было Целина) успокаивала мое волненіе, увѣряя, что мужъ ея очень раздраженъ безтактностью Юматова и непременно рѣшилъ съ нимъ разойтись.

— Вотъ только бы намъ денегъ достать!

— А гдѣ вы ихъ думаете добыть? — спросилъ я, колеблясь уходить, или нѣтъ, огорченный грустнымъ выраженіемъ личика Зоси...

— Тутъ есть одна комбинація. Авось и удастся...

Въ редакціи за послѣдніе дни стали появляться жидаы. Не въ качествѣ сотрудниковъ, какъ это водится нынѣ. Тогдашніе жидаы писать еще не рѣшались, но являлись они, какъ дѣловые люди. Я подозрѣвалъ, что Киркоръ что-то устраниваетъ.

Въ дѣлѣ добыванія денегъ это былъ поистинѣ геніальный человекъ.

Нѣкто Степановъ, одинъ изъ его друзей (что-то писалъ и, кажется, былъ инспекторомъ типографіи), утверждалъ: если бы Адама Карловича Киркора на берегу Невы у Лѣтняго сада раздѣть донага и толкнуть въ рѣку, то онъ не только не утонетъ, но непременно выйдетъ на противоположный берегъ въ новомъ модномъ фракѣ, при золотыхъ часахъ и успеетъ, проходя по илистому дну Невы, у кого-нибудь занять болѣе или менѣе значительную сумму денегъ.

Какъ объяснялись Юматовъ и Киркоръ, я не знаю; цѣлую недѣлю я не ходилъ въ редакцію и бѣдствовалъ въ маленькомъ номерѣ на пятомъ этажѣ въ домѣ Китнера у Вознесенскаго моста, пробавляясь за неимѣніемъ иной работы переписываніемъ химическими чернилами студентскихъ лекцій. Добрые юноши-студенты,

жившіе со мною въ однихъ номерахъ, снабжали меня этою работою. Но бѣдствовать все-таки приходилось жестоко. Больше 40 копеекъ въ сутки невозможно было выписать.

Въ воскресенье въ мой убогій номеръ, гдѣ я сидѣлъ въ крайнемъ уныніи, внезапно вошла Киркорна съ Зосей и объявила мнѣ, что Юматовъ вышелъ изъ редакціи и посему я могу и долженъ явиться и продолжать секретарствовать въ обновленномъ «Новомъ Времени».

Надо ли говорить, что я не устоялъ и вернулся.

Адамъ Карловичъ далъ мнѣ даже, на первыхъ порахъ, въ счетъ двухъ сотъ рублей, которые долженъ былъ за работу, цѣлыхъ двадцать пять рублей и съ многозначительною улыбкою прибавилъ:

— Теперь у насъ пойдетъ ужъ музыка не та.

— Вы успѣли пригласить новыхъ сотрудниковъ?—наивно осведомился я.

— Не въ сотрудникахъ суть успѣха,—пожимая плечами, возразилъ Киркоръ.—Ведя большую газету, главное дѣло—это кредитъ. И онъ у меня будетъ, по крайней мѣрѣ, до конца года. А будутъ деньги—будутъ и сотрудники.

Деньги кое-какія оказались, но сотрудниковъ новыхъ не явилось. Воскресные фельетоны сталъ писать балетоманъ Х—въ; я писалъ передовицы за тѣ же 50 рублей въ мѣсяцъ, которые получалъ въ качествѣ секретаря редакціи.

Газета продолжала хирѣть и падать.

III.

Кредитъ Киркору ходившіе къ нему жидки устроили въ какомъ-то банкѣ негласномъ. Гласныхъ тогда было немного. Придя къ нему однажды ночью съ послѣднею корректурою номера, я нашелъ Адама Карловича въ раздумьи расхаживающимъ по кабинету. На столѣ валялись листки недописанной статьи. Но не статьею былъ занятъ дѣятельный умъ издателя. Онъ усадилъ меня къ столу и положилъ передо мною бланкъ векселя.

— Вы знаете, что это такое?

— Вексель, говорю.

Прочтите, на какую сумму.

Я пробѣжалъ текстъ.

— На двѣ тысячи.

— Гм... то-то: на двѣ тысячи! Теперь это—бумага, простая бумага. Надо ее обратить въ деньги. Вотъ и вамъ, почтеннѣйшій, заплатить надо.

— Надо, Адамъ Карловичъ. Съ квартиры хозяйка гонитъ.

— А вы ей вексель вручите.

— Не возьметъ.

— А я вотъ этотъ вексель всучу, кому надо. У меня возьмутъ. Пройдясь по комнатѣ и подавая мнѣ перо, Адамъ Карловичъ, указывая на обратную сторону векселя, гдѣ уже стоялъ чей-то бланкъ, сказалъ:

— Ну, почтеннѣйшій, ставьте тутъ вашъ бланкъ.

Я молчалъ. Предложеніе меня озадачило.

— Вы колеблетесь? И не надо... Долго въ такомъ случаѣ придется ждать вашихъ денегъ.

— Но зачѣмъ вамъ моя подпись? У меня всего имущества носильное платье, бѣлье да подушка съ одѣяломъ.

— Знаю! Потому-то вы и можете смѣло подписывать. Въ банкѣ не учитываютъ векселей менѣе чѣмъ съ двумя бланками. Моя подпись на векселѣ, первый бланкъ тутъ поставилъ капитальный человѣкъ. Онъ учтетъ вексель, а ваша подпись—такъ для счета только.

Тогда существовало еще долговое отдѣленіе, и я намекнулъ, что меня, пожалуй, могутъ засадить, если по векселю не будетъ уплачено.

Киркоръ съ апломбомъ опровергъ мои опасенія.

Засадятъ его въ случаѣ неуплаты; потомъ возьмутся за перваго бланконадписателя, а меня и садить не стоитъ.

— Вздоръ всѣ ваши опасенія!—говорилъ онъ. — Что съ васъ возьмутъ? Даромъ только кормовыя потратятъ. Подписывайте, и черезъ два дня, много три, я вамъ дамъ...—Онъ задумался на минуту и добавилъ:

— Пятьдесятъ рублей.

Я подписалъ вексель. И въ самомъ дѣлѣ мнѣ казалось, что моя подпись—простая формальность.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось объ этомъ пожалѣть и раскаяться.

IV.

Еще будучи въ Вильнѣ, я написалъ и отправилъ въ Петербургъ, въ редакцію Краевского, мой первый романъ «Послѣдніе язычники». Изъ редакціи мнѣ прислали увѣдомленіе: романъ будетъ напечатанъ, что привело меня въ большое восхищеніе. Но мои «Язычники» въ теченіе 1867 г. въ печати не появлялись. Я относилъ это къ тому, что журналъ перешелъ къ новой редакціи, къ Некрасову, и, вѣроятно, вышло замедленіе. Приѣхавъ въ Петербургъ, послѣ долгихъ колебаній и чувствуя, что у Киркора дѣло не прочно, я наконецъ рѣшился итти къ Некрасову справиться о судьбѣ моей рукописи.

Теперь не попрежнему, много проще и безцеремоннѣе смотритъ пишущая братія на редакцію и редакторовъ. Въ 60-хъ годахъ всѣ мы, правда, громко кричали о сверженіи авторитетовъ, но я, признаюсь, не знаю другой эпохи, въ которой бы автори-

теты играли такую большую роль. Приѣзды Тургенева, Толстого, Писемскаго въ Петербургъ были уже крупными событіями; слухи, что они написали что-нибудь новое, волновали всѣхъ насъ безъ различія партій и направленій. Редакціи тоже для насъ, шести-десятниковъ, не были только мѣстомъ, изъ котораго за извѣстное количество строкъ или листовъ можно было добыть извѣстную сумму денегъ. Репутація писателя въ тѣ поры въ особенности играла большую роль. Послѣ «Некуда» талантливаго Лѣскова никто и знать не хотѣлъ; послѣ редакторства «Библіотеки для чтенія» нынѣшній первачъ Боборыкинъ попалъ въ число самыхъ захудалыхъ и долженъ былъ свои порнографическія «Жертвы вечернія» помѣщать въ литературно-подвальномъ изданіи еврея Мануила Хана.

Строгое то было время.

Нынѣ все иначе устроилось. Какой-нибудь остроумный Шмуль (въ прошломъ лишенный правъ за хорошія дѣла) или авторъ нѣсколькихъ хлесткихъ фельетоновъ идутъ въ редакцію любого органа безъ дальнихъ думъ, какъ скотина, пробирающаяся въ хлѣвъ; ведутъ себя тамъ съ полною развязностью; называются «силою»; усаживаясь за столъ, кладутъ непременно и ноги на столъ. Литературные авторитеты для нихъ не существуютъ; литературная этика для большинства все равно, что для коровы воскресенье... Впрочемъ, въ 60-хъ годахъ и редакторы и редакціи были иные.

Я поднимался по лѣстницѣ квартиры Некрасова въ большомъ волненіи. День былъ пріемный; входили всѣ безъ доклада. Въ большомъ, свѣтломъ кабинетѣ было нѣсколько человѣкъ. Кто тамъ былъ, отъ смущенія я не могъ разобрать. На порогѣ столкнулся съ блондиномъ, довольно плохо одѣтымъ; на немъ былъ старенькій пиджакъ, криво застегнутая жилетка и выпцвѣтшія брюки неопредѣленнаго колера. Онъ несъ въ рукѣ книгу и посторонился, чтобы дать мнѣ дорогу. Еще болѣе смущенный, я тоже посторонился. Такъ мы простояли секунды двѣ. Блондинъ чуть-чуть улыбнулся и прошелъ первымъ. У него были хорошіе голубые глаза и ласкающая, пріятная улыбка.

Это былъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

Воспоминаніе объ этомъ человѣкѣ лучшее и отраднѣйшее воспоминаніе изъ всего начала моей литературной карьеры. Въ немъ было много симпатичнаго, много искренности и честности. Очень непрактичный и неустойчивый по характеру, Глѣбъ Успенскій былъ, однако, беззавѣтно преданъ тому, что проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ, чему вѣрилъ и что любилъ. Съ нимъ впоследствии я познакомился и сошелся довольно близко. Въ затѣянномъ мною въ 1872 г. журналѣ «Дешевая Библіотека» онъ охотно помѣстилъ большой рассказъ и самъ назначилъ плату по 30 р. съ листа, хотя этотъ талантливый писатель въ «Отечественныхъ Запискахъ»

тогда получалъ по 150 р. и болѣе за листъ. Въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ послѣ его смерти, какъ-то проскользнули намеки, что онъ назначалъ разнымъ людямъ, искавшимъ его сотрудничества, слишкомъ высокую гонорарную плату. Вѣроятно, онъ просто не желалъ работать съ ними. Жаднымъ на деньги Глѣбъ Ивановичъ никогда не былъ и поддерживать новое изданіе, если только былъ увѣренъ, что оно—хорошее дѣло, всегда былъ готовъ почти безкорыстно.

Въ моей «Дешевой Библіотекѣ» печатались: Д. Минаевъ (поэмы «Углы»), Рѣшнѣнниковъ, Левитовъ, А. К. Шеллеръ и Лейкинъ, помѣстившій у меня лучший изъ своихъ романовъ «Христову Невѣсту». Всѣмъ этимъ людямъ, имѣвшимъ уже и тогда большое литературное значеніе, я платилъ немного потому, что и у меня самого было очень мало. «Дешевая Библіотека» не имѣла полныхъ и двухъ тысячъ подписчиковъ. Но въ 60-хъ годахъ гонораръ и его размѣры стояли у писателей далеко не на первомъ планѣ. Для Г. П. Успенскаго деньги никогда не имѣли большого значенія.

Возвращаясь къ моему визиту къ Некрасову.

Подробно описывать наружность поэта не стану; она слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстна. Къ тому же, при моемъ волненіи, я могъ замѣтить только некрасивое съ крупными чертами и желтоватымъ цвѣтомъ кожи лицо, пронизательные, быстрые глаза и благородно очерченный высокій лобъ.

— Это ваша работа,—говорилъ онъ, перелистывая мою рукопись.—Интересно. Мы о Западномъ краѣ почти ничего не знаемъ. Какой, однакоже, крѣпостной гнетъ тамъ существовалъ! Такого не было въ центральныхъ губерніяхъ.—Помолчавъ, онъ добавилъ:

— Все же вашу рукопись не скоро, очень не скоро можно будетъ напечатать.

— Почему же?—рискнулъ я спросить.

— Видите ли: у насъ, по русскому обычаю, лежачаго не бьютъ. Паны эти, допустимъ, много виноваты, но они уже лежатъ въ растяжку; добывать лежачаго—неудобно. Вы, кажется, участвовали въ инсurreкціи.

— Участвовалъ.

— Очень любопытныя могутъ быть воспоминанія, только опять же печатаніе ихъ надо отложить, иначе вы попадете въ ряды...

И онъ назвалъ двоихъ писателей, которые отличились тогда яркими обличеніями дѣятелей и польскаго общества въ 1863 г.

— Мой вамъ совѣтъ,—закончилъ онъ, возвращая мнѣ моихъ «Язычниковъ»,—отложить печатаніе этого романа, несомнѣнно «интереснаго», лѣтъ на десять, а воспоминанія свои объ инсurreкціи, если думаете написать, печатайте и того позже, когда улягутся страсти, и обѣ стороны будутъ смотрѣть на прошлое спокойно.

Я уже уходилъ. Некрасовъ остановилъ меня вопросомъ:

— Вы, вѣроятно, нуждаетесь. Я могу вамъ дать денегъ, а вы потомъ что-нибудь намъ напишете.

Отъ денегъ я отказался. Какъ я могъ взять? Выходило что-то въ родѣ милостыни. Писать обѣщалъ. Поступивъ въ томъ же году (1869) въ редакцію благосвѣтловскаго «Дѣла», я, разумѣется, не могъ уже писать для «Отечественныхъ Записокъ».

V.

Съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ, Минаевымъ, Рѣшетниковымъ, Левитовымъ, Шеллеромъ и другими писателями я сошелся близко уже въ 70-хъ годахъ, когда издательствовалъ.

Рѣшетниковъ былъ очень оригинальная личность, молчаливая, грубоватая, но искренняя и правдивая. Какъ-то я зашелъ къ нему, онъ жилъ тогда на Невскомъ, помнится, въ домѣ бывшемъ Бернадаки, въ грязненькой квартиркѣ на третьемъ дворѣ. У него была порядочная семья, и, несмотря на его крупные заработки, онъ очень часто бѣдствовалъ. У Рѣшетникова я засталъ довольно большую компанію. За столомъ, рядомъ съ нимъ, сидѣлъ красивый азіатъ.

— Рекомендую, это Ш—ъ. Онъ убилъ человѣка, и видишь—съ него это соскочило, какъ съ гуся вода,—сказалъ Рѣшетниковъ, знакомя меня съ азіатомъ.

Тотъ только улыбнулся.

— Какъ это убилъ человѣка?—переспросилъ я.

— А такъ же. Пospорили, вынулъ кинжалъ и зарѣзалъ. Вотъ изучаю эту личность. Его на судѣ оправдали. Но не въ этомъ дѣло. Доискиваюсь, нѣтъ ли у него на душѣ чего-нибудь... знаешь, слѣда какого-нибудь недовольства послѣ того, какъ онъ зарѣзалъ ближняго. И ничего еще не доискался. Ёсть, пьетъ, спитъ, охотится за барынями—и только. Совершенно бревно.

Ш—ъ опять улыбнулся и что-то пробормоталъ въ родѣ: «брюзгливъ, но безъ малѣйшей злобы!»

Пилъ Рѣшетниковъ много и какъ-то мрачно; тянулъ мертвую безъ малѣйшихъ признаковъ веселья, или разгула, точно лошадь воду...

Однажды, зайдя къ Рѣшетникову, я засталъ его одного. Сидѣлъ и писалъ.

— Пойдемъ ко мнѣ, говорю. Куцевскій обѣщалъ прійти, Левитовъ будетъ. (Оба были не дураки выпить).

— Не могу итти,—отвѣтилъ Рѣшетниковъ, кладя перо.

— Отчего не можешь?

— Сапогъ нѣтъ.

И онъ показалъ ноги, обутыя въ карпетки.

— Гдѣ же твои сапоги?

— Жена ушла и заперла въ спальню.

— Что ты?!—удивился я.

— А иначе, братъ, со мною невозможно. Работа срочная, завтра отнести надо. Впередъ взято многожды разъ. А знаю себя, заскучаю, брошу, не допишу и уйду. Вотъ жена и арестовала сапоги. Какъ окончу работу, сапоги мнѣ будутъ возвращены.

Смерть Рѣшетникова была почти неожиданная. Онъ казался такимъ здоровякомъ. Свѣчу своей жизни онъ, впрочемъ, по тогдашнему обычаю жегъ съ обоихъ концовъ.

Николай Курочкинъ, коренастый, лысый брюнетъ, пользовался въ извѣстныхъ литературныхъ слояхъ большимъ значеніемъ. То, что онъ написалъ и напечаталъ, далеко не можетъ объяснить его значенія и вліянія. Неоспоримо умный, въ противоположность своему высокоталантливому брату Василию, онъ умѣлъ сплачивать, соединять вокругъ себя литературныхъ людей, классъ, какъ всѣмъ вѣдомо, самый неуживчивый и капризный. У Глѣба Ивановича онъ бывалъ часто. Скромный, до болѣзненности застѣнчивый и мнительный, Успенскій постоянно прибѣгалъ къ посредничеству Курочкина въ разныхъ своихъ затрудненіяхъ. Говорилъ Николай Курочкинъ много, и лучше, чѣмъ писалъ. Устранить товарищеское или редакціонное недоразумѣніе, похлопотать относительно помѣщенія рукописи, дружески посовѣтовать—все это онъ умѣлъ, какъ никто.

А. К. Шеллеръ (Михайловъ) тоже любилъ этимъ заниматься, но онъ какъ-то ухитрялся все это дѣлать въ видѣ покровительства молодымъ талантамъ. Выходило неловко и стѣснительно. Курочкинъ былъ отзывчивѣе, теплѣе и, если такъ можно выразиться, искреннѣе его, не ломался. А значеніе Курочкина, напри- мѣръ, въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» въ первые годы некрасовскаго издательства было очень большое.

Демерта я засталъ уже совсѣмъ конченнымъ (въ 1872—1873 г.г.), больнымъ человѣкомъ. Онъ сильно пилъ.

Левитовъ появлялся въ Петербургѣ періодически и куда-то исчезалъ, кажется, въ Москву, гдѣ онъ съ Вороновымъ тогда сочинялъ «Московскія норы и трущобы». Книга—во всякомъ случаѣ недостойная его дарованія. О немъ могу сказать одно: это была личность энѣргичная, умная, талантъ у него былъ большой, но онъ его забросилъ. Вѣчные загулы мѣшали работать. Вліяніе его на слабохарактернаго Успенскаго было вредное. Онъ его спаивалъ. Вотъ примѣръ очень характерный.

Захожу какъ-то къ Глѣбу Ивановичу и дивлюсь: въ тихой обыкновенно квартирѣ—какая-то ярмарка открылась.

Быль часъ двѣнадцатый утра. Человѣкъ шесть пьяныхъ и полупьяныхъ, небритыхъ и немытыхъ личностей населяютъ первую отъ передней довольно большую комнату. Во второй, спаль-ной, заперлась жена Успенскаго и плачетъ.

— Это,—говорила она,—второй день идетъ такой содомъ. Сколько они выпили, сколько выпили!.. Но главное—не это. Вѣдь мой-то не пьетъ, а по слабости характера съ ними бражничаетъ. И заболѣетъ, непременно заболѣетъ послѣ этой ярмарки.

Осматриваюсь. Все незнакомыя лица, только одного Левитова узнаю. Кто же остальные знакомцы?

Хозяинъ ходитъ по комнатѣ блѣдный, помятый, съ опухшими отъ бессонницы глазами. На губахъ у него бродитъ загадочная улыбка. Онъ не то шутитъ, не то бранится со своими гостями.

— Выпьешь?—говоритъ онъ мнѣ.

— Не пью. Вѣдь ты знаешь, что не пью.

— А, не пьешь! Зачѣмъ тогда въ этотъ кабакъ пришелъ.

— Да вѣдь это твоя квартира, а не кабакъ.

— Была квартира, а вотъ Левитовъ сдѣлалъ изъ нея кабакъ? Не вѣришь? Погляди: вотъ полштофы на столѣ, рюмки и колбаса. Въ углу на полу спятъ пьяные, одного даже стошнило... Чѣмъ не кабакъ?

— Зачѣмъ же ты допускаешь?

— Вотъ поди же ты. Допускаю... Не надо бы, а допускаю.

Прошло минутъ десять. Пьяные несли разную белиберду, пили, засыпали, просыпались, а хозяинъ все продолжалъ ходить отъ одного къ другому, перебрасываясь желчными выходками.

— Кто этотъ черный, что такъ страшно ворочаетъ глазами?—спрашиваю.

— Это—Григорьевъ, будущій литераторъ. Левитовъ привелъ, увѣряетъ—большой талантъ.

— А этотъ въ сюртукѣ съ форменными пуговицами? Большие всѣхъ пьетъ и не пьянъ?

— Этого привелъ Григорьевъ, а какъ его звать—не упомяну. Кажется, отставной учитель.

— А эти двое, что спятъ на полу?

— Этихъ тоже Григорьевъ привелъ.

— Ну, а вотъ этотъ одноглазый, съ прорваннымъ локтемъ?

— Этого я совсѣмъ не знаю. Его привели съ собою тѣ, что на полу спятъ. Самъ чортъ не разберетъ, кто кого привелъ.

Я просидѣлъ съ часъ и ушелъ сердечно опечаленный, что такой крупный талантъ губитъ себя компаніей съ такими людьми.

— Выгони ихъ,—говорю Глѣбу Ивановичу на прощанье.

— И выгоню. Только вѣдь что пользы: завтра, послѣзавтра опять придутъ.

— Не пускай. На что они тебѣ?

— А кого же пускать? Эти!.. Все же они люди. Пьяницы, но искра Божія все же въ нихъ живетъ. А вотъ какъ насобираются... и онъ назвалъ нѣсколько именъ трезвыхъ и добродѣтельныхъ писателей и добавилъ:

— Пожалуй, тѣ будутъ похуже. Этихъ всегда выгнать можно, а тѣхъ, что твоихъ клоповъ, загнѣзятся—ничѣмъ не выведешь. Григорьевъ даже со способностями. Такой, братецъ ты мой, очеркъ «Волки» написалъ, что сразу обрисовался.

— Ой ли? Да точно ли талантъ?

— Онъ мнѣ читалъ. Скоро будетъ напечатанъ.

— Все-таки разгони, а то самъ заболѣешь.

— И разгону. Только вѣдь безъ людей скучно. Эти вотъ проспятся—людьми станутъ, а тѣ—никогда. Которые же лучше?

VI.

Я забѣжалъ въ моихъ воспоминаніяхъ нѣсколько впередъ. Приходится еще разъ вернуться къ Киркору и его угасавшему «Новому Времени». Кредитъ, устроенный ему жидками, скоро изсякъ. Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, и мнѣ онъ не уплатилъ ни гроша. Зоя уѣхала гостить въ Вильну. Киркорша, когда я ей жаловался на свое тяжелое положеніе, только вздыхала. Все, что имѣлось у меня, до фрака включительно, было заложено; сапоги изорвались; подходила осень, и я уже придумать не могъ, что принять.

Ветошниковъ, хроникеръ, надоумилъ меня написать сценку для «Петербургскаго Листка», принадлежавшаго тогда нѣкоей Гельфрейхъ и редактируемаго Стопановскимъ, литераторомъ очень даровитымъ, но неисправимымъ лѣнтяемъ.

— О чемъ мнѣ для «Листка» писать?—недоумѣвалъ я.

— Обличить кого-нибудь надо. У Стопановскаго это первое. Да чего лучше? Знаешь на Большой Морской магазинъ Флорана? Тамъ на дворѣ его работницы живутъ. Что-то въ родѣ общей квартиры. Толкнись, что-нибудь найдешь. Я самъ хотѣлъ писать. Ну, да ужъ Богъ съ тобою, воспользуйся моей темой.

Я воспользовался. Въ моемъ очеркѣ была выведена на сцену деревенская дѣвушка, попавшая въ мастерскую и соблазненная развратными приказчиками... Все почти была одна фантазія. Но подробности въ обстановкѣ квартиры и, кажется, даже улицы были обрисованы очень прозрачно.

Ветошниковъ подправилъ написанное, подбавилъ соли, какъ онъ выражался.

Стопановскаго въ редакціи трудно было застать. Статью мою отослали къ нему на домъ и велѣли прійти за отвѣтомъ недѣли черезъ двѣ. Ходилъ я послѣ срока раза четыре, все нѣтъ отвѣта.

— Да идите прямо къ Стопановскому на квартиру,—посоветовалъ мнѣ высокій, красивый, бородатый блондинъ С—овъ, печатавшій въ «Листкѣ» свой романъ изъ нравовъ театральнаго мірка.

— Только пораньше идите, а то онъ уйдетъ. Застанете спящимъ—ожидайте.

Такъ я и сдѣлалъ.

Кабинетъ Стопановскаго была тѣсная комната въ два окна, невообразимо грязная. По срединѣ стоялъ большой письменный столъ, заваленный статьями, корректурами, книгами. На немъ же лежали панталоны и жилетъ. На полу, на стульяхъ и диванѣ лежали рукописи и корректуры и спалъ сегодѣнь, какой-то обдерганный и худой, какъ скелетъ. Изъ сосѣдней комнаты раздавалось здоровое храпѣнье спящаго. Пришлось прождать часа полтора. Наконецъ появился зѣвающій Стопановскій, со включенной шевелюрой и, очевидно, сильно не въ духѣ.

— Зачѣмъ пожаловали?—спросилъ онъ довольно неприязненно. Я сказалъ.

— Да когда же вы отдали мнѣ вашъ очеркъ?—удивился онъ.

— Вамъ изъ редакціи прислали. Вы обѣщали прочесть.

— Не припоминаю. Большая тетрадь?

— Нѣтъ. Листа три почтовой бумаги.

— Эхъ, батенька, съ чѣмъ пристае... Мы мелкихъ статей не возвращаемъ. И вашъ очеркъ я, вѣроятно, забраковалъ и уничтожилъ.

Приходилось уходить. Стопановскій занялся чаемъ. Но, посмотрѣвъ на мое сконфуженное лицо и угадавъ, вѣроятно, мое горестное положеніе, остановилъ меня.

— Пойдите. Я поищу. Какъ заглавіе очерка?

— «Маша».

Въ кучѣ пыльныхъ рукописей моя «Маша», къ счастью, скоро нашлась.

— Прочту и дамъ отвѣтъ. Навѣдайтесь черезъ недѣлку въ редакцію.

Мы пожали руки и разстались. Впослѣдствіи я сошелся со Стопановскимъ и даже въ своей «Дешевой Библіотекѣ» напечаталъ его поэму, начинающуюся страннымъ стихомъ:

Въ Желѣзноводскѣ живучи
Я пилъ цѣлебные ключи.

За это живучи Стопановскій крѣпко стоялъ и упорно не хотѣлъ замѣнить его другимъ словомъ. Онъ въ тѣ поры потерялъ уже мѣсто редактора въ «Листкѣ» и сильно нуждался. Припоминая нашу первую встрѣчу, онъ говаривалъ:

— Очеркъ твой «Маша» дрянъ былъ. Хотѣлъ я было его въ корзину спустить, да больно ты былъ ужъ жалокъ. Ну, подумалъ, сойдесть, и напечаталъ.

Изъ редакціи «Петербургскаго Листка» получилъ я за очеркъ 28 руб. 58 коп. Твердо помню эти цифры. О, какаѣ была это радость! Сейчасъ же съ деньгами побѣжалъ я въ греческую кухмистерскую, что была противъ Гостиного двора, и громко, внушительнымъ голосомъ потребовалъ обѣдъ. До этого около мѣсяца я питался чаемъ, булкой и ужасными пирожками Лапшина съ мясомъ, съ мочалками, прусаками и т. п. начинкою. Обѣдъ греческаго приготовленія показался мнѣ очень вкуснымъ. Засимъ я купилъ фунтъ пастилы и убѣжалъ въ поле, за станцію Николаевской желѣзной дороги къ Волкову кладбищу. Тамъ тогда были пустыри. Но тамъ были зелень, трава, деревья, не толпились люди, и синѣло чистое осеннее небо.

Сѣвъъ свою пастилу, я задумался, замечтался и, кажется, даже заснулъ, сидя подъ откосомъ Обводнаго канала. Поздно вечеромъ, нагулявшись и искрестивъ вдоль и поперекъ обширный Волковский могильникъ, вернулся я домой въ домъ Китнера у Вознесенскаго моста.

— Будите Розеншу,—скомандовалъ я служанкѣ, отворявшей дверь.

Розенша была содержательница номеровъ, гдѣ я жилъ.

— Разсердится. Теперь одиннадцать скоро,—возразила служанка.

— Ничего. Смѣло разбуди. Скажи: жилецъ изъ 8-го номера хочетъ деньги отдать,

— Завтра отдадите.

— Вотъ тебѣ на! Да я ихъ могу до завтра всѣ спустить.

Розеншу разбудили, и она не разсердилась. Это была предобрая старая дѣва и ждала бывало терпѣливо съ насъ, своихъ жильцовъ, денегъ, слѣдуемыхъ за номера. А платили мы очень неисправно.

Пристроившись къ редакціи «Петербургскаго Листка», (Стопановскій поручилъ мнѣ писать еженедѣльные очерки журналистики), я совсѣмъ пересталъ ходить въ редакцію киркоровскаго «Новаго Времени». Такъ пронѣло время до конца года. Въ одно прекрасное, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не прекрасное утро, когда я сидѣлъ въ своемъ номерѣ и разносилъ книжку какого-то журнала (послѣднее было обязательно для моей журналистики), ко мнѣ заглянулъ худощавый, высокій господинъ въ очкахъ, съ портфелемъ подъ мышкой.

— Судебный приставъ,—отрекомендовался онъ.

«Что ему отъ меня нужно?» недоумѣвалъ я.

Порывшись въ своихъ бумагахъ, онъ предъявилъ исполнительный листъ на взысканіе съ меня двухъ тысячъ рублей съ процентами въ пользу банка.

— Какія двѣ тысячи? Я не то, что двухъ тысячъ, — двухсотъ рублей: ни изъ какого банка не бралъ. Вѣроятно, недоразумѣніе.

Но недоразумѣнія не было.

— Вы бланкировали вексель, — разъяснилъ приставъ. — Его учли въ банкѣ и не уплатили по немъ валюты.

— Кому же я ставилъ бланкъ?

— Адаму Карловичу Киркору.

— Спрашивайте съ него. Мой бланкъ былъ такъ себѣ; по его словамъ, формальность одна.

— Плохо знаете законы, — улынулся приставъ. — Бланкъ на вексель — дѣло серьезное, а не формальность только.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось: Киркоръ бросилъ редакцію и скрылся изъ Петербурга; еврейчикъ, поставившій первый бланкъ, умеръ, и отвѣтственнымъ лицомъ передъ банкомъ остался налицо я одинъ. Ко мнѣ и предъявили искъ.

— Но у меня ничего нѣтъ. Живу построчной платой...

— Тогда я составлю протоколъ, что имущества не оказалось, и вы отъ уплаты отказались.

— Составляйте. А что дальше будетъ?

— Что дальше? — и новая улыбка появилась на губахъ пристава: — повѣренный банка внесетъ кормовыя, и васъ посадятъ въ долговое отдѣленіе.

— Какія глупости! Все равно денегъ я не заплачу.

— Повѣренный банка вполне увѣренъ, что вы не уплатите. Но онъ долженъ посадить васъ, иначе самъ отвѣтитъ передъ своимъ довѣрителемъ — банкомъ. Знаете что? Уѣзжайте изъ Петербурга года на два. Дѣло и заглохнетъ.

— Не могу.

Когда приставъ ушелъ, я въ недоумѣніи задался вопросомъ: «неужели меня посадятъ въ долговое за чужой долгъ?»

Въ тотъ же день я зашелъ въ редакцію «Новаго Времени» у Чернышева моста, въ домѣ Руадзе. Тамъ, въ квартирѣ Киркора, недавно еще комфортабельно обставленной, былъ полнѣйшій разгромъ. Повсюду шныряли разныя темныя личности, все осматривали и обнюхивали, какъ свою собственность. Это были кулаки Апраксина, налетѣвшіе покупать описанную движимость. Замѣнившій меня въ должности секретаря редакціи шляхтичъ изъ Минска Тишинскій плакалъ, какъ младенецъ, сидя у конторки.

Киркоръ взялъ у него, въ видѣ залога, двѣсти рублей, и несчастный теперь сидѣлъ безъ копейки въ незнакомомъ ему городѣ.

— Гдѣ вашъ мужъ? — почти грубо спросилъ я Марью Ивановну. — Онъ не уплатилъ по векселю, на которомъ стоитъ мой бланкъ.

— Вы подождите. Онъ пріѣдетъ не сегодня — завтра. Онъ уѣхалъ доставать деньги.

Но бѣдная женщина и сама плохо вѣрила тому, что говорила, и добавила:

— Они описали все, даже мой гардеробъ.

— А меня могутъ засадить въ долговое.

— Вы скройтесь.

— И это редакторъ и это руководитель общественнаго мнѣнія!— горячился я, придя въ редакцію «Петербургскаго Листка».

— Ну, вотъ вздумали! Киркоръ никогда не былъ литераторомъ. Просто проходимецъ!—успокаивалъ мое волненіе С—въ и, отведя въ сторону, посовѣтовалъ.

— Уѣзжайте хотя въ Царское, и тамъ сидите. Статьи присылать можете и оттуда. Иначе васъ навѣрно запрутъ въ Тарасовку.

Но я не послушался и попалъ въ Тарасовку ровно черезъ двѣ недѣли.

VII.

Во время пребыванія моего въ долговомъ отдѣленіи я велъ дневникъ. Почтенное учрежденіе по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ Тарасова, теперь уже не существуетъ. Но для потомства полезно сохранить въ неприкосновенности и, такъ сказать, со всѣми деталями «яму», куда попадали на выsidку тѣ, которые были мало должны, вѣроятно, въ наказаніе, «зачѣмъ мало должны». Крупные должники на сотни тысячъ никогда въ Тарасовку не попадали.

Яма, въ просторѣчи Тарасовка, а на официальномъ языкѣ «Домъ содержанія неисправныхъ должниковъ», имѣла наружность не только скромную, но даже, можно сказать, буколическую. Надъ низенькимъ подъѣздомъ, съ захватанными дверями, напоминающими портерную низшаго разбора, красовалась узенькая вывѣсочка, довольно-таки пострадавшая отъ непогодъ, гласившая, что здѣсь—тихий портъ и мирная пристань успокоенія отъ тревогъ житейскихъ. Ни солдата часового, ни даже простого бутыря не было у входа; никто не охранялъ мирной пристани; правильнѣе, она сама себя охраняла.

Когда приставъ привезъ меня въ Тарасовку, я просто былъ пораженъ мирной обстановкой подъѣзда, грязью лѣстницы и халатнымъ видомъ швейцара-унтера, насъ встрѣтившаго. Мнѣ показалось, что я пріѣхалъ къ старому холостяку—дядѣ изъ дальней Коломны, или, еще вѣрнѣе, въ участокъ. Пахло жилымъ, щами и солдатскимъ потомъ; била въ глаза казарменная неряшливость. Все говорило, что здѣсь люди не только служатъ, но и живутъ, ѣдятъ, пьютъ и спятъ. Въ особенности неоспоримо было, что въ передней люди спятъ.

— Дежурный, дежурный,—ревѣлъ сердитый голосъ съ верховъ лѣстницы.—Швейцаръ, что же? Гдѣ дежурный?

Швейцаръ, сидя на табуретѣ, велъ интимную бесѣду съ городовымъ. На носу у него были солидные серебряные очки, въ ру-

какъ—четвертка бумаги,—рапортъ, какъ я узналъ впоследствии. Городовой тоже возсѣдалъ на табуретѣ и рассказывалъ какое-то происшествіе, въ которомъ главную роль игралъ самъ.

— И стоялъ я, значить, на посту, а баба, значить, вдругъ изъ-за угла вынырнула и подъ карету. Звѣстно, баба—народъ бездушный и неустрашимый. Приспичило, видишь, ей на другую панель перебѣжать. Еще бы чуточку—и тутъ бы ей духъ вонъ. Въ отвѣтъ, выходитъ, ты: зачѣмъ пуцалъ? А самъ какъ разъ на эту рацею и налетѣлъ... Смерть. Одначе ничего, баба изъ-подъ кареты живая вылѣзла.

— Дежурный!!—неистово ревѣлъ голосъ съ верховъ.

Городовой прервалъ повѣствованіе и поглядѣлъ, кто кричитъ.

— Нѣтути дежурнаго: ушедши.

— Какъ придетъ, скажи, чтобы шелъ въ номеръ одиннадцатый. Капитанъ требуетъ. Слышишь? Чтобы сейчасъ шелъ.

— Ладно,—успокоилъ капитана городовой и снова обратился къ невозмутимому швейцару, добавивъ въ видѣ комментарія:—«онѣ это онѣ въ шестой разъ дежурнаго кличетъ. Опять, видно, требуется на три копейки чаю и на копейку еще чего прихватить. Капиталистъ». Швейцаръ высморкался и порѣшилъ наставительно:

— Кутья! Извѣстно—кутья, даромъ что капитанъ: голъ, потеръ и Богу противенъ. У нихъ, у кутейниковъ, завсегда на рубль амбиціи и на грошъ аммуниціи.

Мы сами сняли шинели, повѣсили и, услыжавъ отъ швейцара дружеское «номерокъ нуженъ», прошли по темному коридору въ контору. Въ конторѣ пахло затхлымъ, было душно, сыро, паутина висѣла по угламъ, и за столикомъ, обрызганнымъ и запятнаннымъ чернилами, сидѣли два писаря-приемщика, которымъ я и былъ сданъ подъ расписку, на храненіе.

— Пойдемте,—кратко отнесся ко мнѣ одинъ солдатъ, повелъ наверхъ и водворилъ въ номеръ девятомъ. Въ этомъ номерѣ сидѣлъ еще одинъ человѣкъ, мирно занимавшійся починкою потертыхъ панталонъ. Онъ былъ въ очкахъ; сдвинувъ ихъ на лобъ и воткнувъ иголку, онъ отрекомендовался:

— Ивановъ, Сергѣй Петровичъ Ивановъ, статскій совѣтникъ. Я назвалъ себя.

— А за много попались!..

— За двѣ тысячи. По бланку на векселѣ.

— А я за шестьсотъ сажу... Подлецы.

Къ кому собственно относился эпитетъ «подлецы», онъ не разъяснилъ и снова принялся за починку брюкъ.

Мои печальныя размышленія были прерваны появленіемъ господина въ полицейской формѣ. Онъ окинулъ номеръ начальническимъ взглядомъ и обратился ко мнѣ:

— Новенькій? А за много посажены?

Я сказалъ.

— Долгонько сидѣть. Два года. Да не грустите! Комитетъ и выкупить можетъ.

— Я хотѣлъ бы съѣздить на квартиру, хотя бы съ провожаемымъ, расчитаться, захватить вещи.

— Нельзя. Вотъ этого дозволить не могу.

— Да почему же?

— Не по закону. Только посадившій васъ можетъ разрѣшить вамъ выходы.

— Но возьмите во вниманіе: я захваченъ внезапно, на улицѣ... Мои близкіе не знаютъ даже, гдѣ я. Дайте мнѣ часа два-три на устройство дѣлъ, отпустите, наконецъ, съ городовымъ.

— Откуда я вамъ возьму городского? У меня одинъ при конторѣ и безотлучно.

— Что же мнѣ дѣлать? Неужели же цѣлый годъ заключенія?..

— Годъ—небольшое время, отозвался смотиритель равнодушнымъ голосомъ.—У насъ найдутся, что и по девяти лѣтъ сидятъ и по два года не выходятъ за порогъ Тарасовки. Впрочемъ, вы напишите. Въ швейцарской посыльный, онъ отнесетъ письмо, куда надо.

Я содрогнулся при словахъ: «девять лѣтъ сидятъ», мнѣ стало страшно при мысли, что здѣсь есть люди, не выходившіе на свѣжій воздухъ по два года только потому, что они должны, по большей части какимъ-нибудь ростовщикамъ, какія-нибудь сотни рублей недоплаченныхъ процентовъ, по десяти на сто въ мѣсяцъ. Кстати замѣчу: когда я ближе познакомился съ Тарасовкой, меня несказанно удивилъ фактъ крайне ничтожной суммы, за которую содержались большинство «неисправныхъ»¹⁾. Сидѣли за сотни, за какія-нибудь тысячи двѣ-три, рѣдко больше. Всѣхъ «неисправныхъ» (мужчинъ) было не болѣе тридцати человекъ, женщинъ—не болѣе десяти. И это на огромный Петербургъ, въ которомъ имѣются тысячи и даже десятки тысячъ субъектовъ, должających и не платящихъ своихъ долговъ. Неоспоримо, что масса кредиторовъ игнорировали личное задержаніе за долги. Одни темные давальцы, по пяти со ста въ мѣсяцъ, неофіціальныя банкиры на ростовщицѣй подкладкѣ, клали подъ прессъ ямы своихъ должниковъ, выжимали изъ нихъ, что могли, переписывали обязательства, на часокъ выпускали птичекъ изъ клѣтки полетать и снова ихъ ловили и засаживали, смотря по расположенію, надобности и расчету. Здѣсь-то именно и писались разными злосчастными, буквально собственною ихъ кровью, настоящіе шейлоковскіе векселя...

¹⁾ И нынѣ долговое отдѣленіе существуетъ. Разница лишь та, что прежде садили окружный судъ своихъ и коммерческій судъ своихъ, а теперь садить въ долговое одинъ коммерческій судъ.

Основной контингентъ ямы составляли, впрочемъ, не неисправные, а несостоятельные: разные коммерсанты, уединявшіеся подъ тарасовскую смоковницу послѣ перевода лавокъ и домовъ на имя женъ, дѣтей, братьевъ и прочей родни. Этотъ основательный людъ правильнѣе всего можно было сравнить съ хорошо снабженнымъ и хорошо помѣщеннымъ гарнизономъ крѣпости, которую враги (кредиторы) держали въ умѣренно строгой блокадѣ. Обѣ стороны вели переговоры и судились въ коммерческомъ судѣ.

И теперь, какъ прежде, банкроты судятся въ коммерческомъ судѣ. Понемногу осажденные сдаются на капитуляцію, выплачивая по 10, 15 и 25 коп. за рубль долга. Порядокъ этотъ неизмѣнно практикуется.

Несостоятельные (большинство) имѣли благочестиво-серьезныя лица, усердно посѣщали церковь (въ Тарасовкѣ была своя церковь), любили баню, соблюдали посты, пожирали не разбирая все, что подавали на обѣдъ, и плодили въ номерахъ клоповъ и прочихъ паразитовъ. По коридорамъ они ходили тихо, глубоко вздыхая, говорили шопотомъ, вѣчно сочиняли куда-то жалобы и прошенія, начальству кланялись низко и строго-настрого соблюдали всѣ правила, введенныя въ «домъ заключенія неисправныхъ должниковъ». Ихъ несокрушимымъ и спеціальнымъ довѣріемъ пользовался во время моего пребыванія въ «ямѣ» нѣкій еврейчикъ, Ицко Хапкинъ, содержавшійся по собственному желанію. Видите ли, Ицку за разные подвиги назначили къ высылкѣ изъ столицы. Онъ нашелъ это для себя неподходящимъ и, выдавъ векселя близкому человѣку, самъ выхлопоталъ на себя исполнительный листъ и заѣхалъ въ Тарасовку. Здѣсь, не боясь высылки изъ Петербурга, онъ ловко, въ качествѣ адвоката, обрабатывалъ коммерсантовъ: писалъ имъ просьбы, научалъ юридическимъ тонкостямъ и кляузамъ, доносилъ на нихъ (гдѣ укрывали имущество), велъ ихъ дѣла въ коммерческомъ судѣ и... и для убѣжденія сомнѣвавшихся приводилъ даже въ заведеніе какихъ-то темныхъ личностей, называвшихся столоначальниками и секретарями разныхъ учреждений, и окончательно убѣждалъ такимъ путемъ маловѣрныхъ въ своей силѣ, связяхъ и вліяніи. У Ицки водились деньги. Смотритель Тарасовки былъ ему долженъ. Ицко писалъ желающимъ жалобы даже на самого смотрителя, строгаго коменданта нашей крѣпости. На все у него была такса: за прошеніе въ коммерческой судъ взымалъ отъ 10 до 25 рублей; за жалобу на смотрителя—одинъ рубль.

— Скажите, Хапкинъ,—спросилъ я его однажды:—отчего такая разница: въ коммерческой небольшая просьба стоитъ 25 руб., а за жалобу на смотрителя въ два листа только рубль.

Ицко сдѣлалъ губами длинное еврейское «псѣ» и покачалъ головою.

— Ну, какъ же иначе? Коммерческій судъ надо пронять законами: чѣмъ больше статей напишешь, тѣмъ лучше. На смотрителя никакихъ законовъ не нужно; все равно, ничего не будетъ. Потому въ коммерческій одна просьба въ недѣлю, а на смотрителя по нѣскольку въ день. И по рублю—дай Богъ ему здоровья, человѣкъ зарабатываетъ достаточно.

Хапкинь дѣйствительно наживалъ хорошія деньги и больше всего боялся освобожденія.

VIII.

Привожу топографію «ямы». Большой четырехэтажный домъ раздѣленъ былъ парадною лѣстницею на двѣ равныя половины; съ четырехъ лѣстничныхъ площадокъ шли вдоль этажей коридоры, упиравшіеся въ черныя лѣстницы. Эти черныя лѣстницы, вонючія и неопрятныя, не имѣли выходовъ на дворъ: двери внизу были заложены наглухо. Парадный входъ занятъ швейцаромъ и дежурнымъ городовымъ. Заключенные могли пройти во дворъ только мимо швейцара. Но со двора не было выхода: ворота всегда оказывались на замкѣ.

— Мы здѣсь надежно посажены,—говорили мнѣ неисправные. Но не такъ, однако, чортъ страшенъ, какъ его малюютъ.

Долголѣтніе обитатели Тарасовки рассказывали, что жильцы, конечно, побогаче, приходили только ночевать въ свою темницу. Былъ одинъ такой счастливецъ, что могъ служить кассиромъ на какомъ-то заводѣ и въ то же время отсиживалъ въ Тарасовкѣ.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ я попалъ въ долговое, извѣстный Юлій Шрейеръ издавалъ тамъ даже газету, отбывалъ заключеніе за какой-то долгъ. Смотритель далъ ему особый номеръ, конечно, не даромъ, и онъ превратилъ его въ кабинетъ редакціи; каждый день къ нему являлся секретарь съ докладомъ, бралъ написанныя статьи: передовицы, корреспонденцію и политическія.

— Очень удобно мнѣ было писать,—рассказывалъ онъ потомъ.—Никто не мѣшалъ.

— А театры, первыя представленія, судебныя засѣданія и прочее?

— Да я же могъ выходить ежедневно. Ну, смотритель обдиравъ меня. Это точно. А все же ничего, квартира даровая, отопленіе и освѣщеніе.

Заглянемъ въ рекреационную залу. Для должниковъ бѣдныхъ, для строго посаженныхъ это былъ единственный путь повидаваться съ знакомыми и родными. Зайдя въ рекреационную, я увидѣлъ большую четырехугольную комнату съ желѣзною печью, жестоко натопленную, съ четырьмя окнами, закрытыми рѣшеткою; два выходили на 1-ю роту Измайловскаго полка, два—на

дворъ. Кругомъ шли простыя лавки, какъ въ избахъ. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ Спасителя въ темницѣ, со связанными руками. Эта суровая обстановка заставляла рыдать женщинъ, впервые входившихъ сюда посѣтить мужа, отца, брата, попавшихъ въ ловушку.

Если ужъ устроители Тарасовки хотѣли наглядно дѣйствовать на заключенныхъ, надо было нарисовать картину: исторію блуднаго сына, конечно, безъ заключительной сцены съ убіеніемъ упитаннаго тельца.

Санитарное устройство рекреаціонной залы было самое скверное. Натоленная печь всегда чадила. Сидѣвшіе у печки задыхались отъ жары; сидѣвшіе у окна—мерзли; отъ оконъ невыносимо дуло. Наконецъ, самая зала имѣла не болѣе четырехъ квадратныхъ сажень объема. На свиданіе являлось не менѣе сорока человѣкъ съ воли, да почти столько же изъ номеровъ заключенныхъ. Шумъ, крики, плачъ переполняли рекреаціонную въ дни, дозволенные для свиданія, а такихъ было всего два въ недѣлѣ. Являлись матери съ дѣтьми, приходили сѣрые мужики, пахнушіе тулупами и сапогами; набивались аблокаты и т. п. Буквально невозможно было ни сѣсть, ни встать, ни духъ перевести. Но несостоятельные какъ-то ухитрялись вести свои дѣла въ этой толчѣ.

Одинъ мелочникъ-лавочникъ,—онъ имѣлъ въ городѣ пять лавокъ—принималъ въ рекреаціонной своихъ приказчиковъ, покупалъ товаръ, провѣрялъ отчеты, получалъ деньги, словомъ торговалъ во всю. Сей богобоязненный и строго посты соблюдавшій мужъ, по слухамъ, обанкротился на 80.000 р. и, крестя поминутно ротъ, предлагалъ кредиторамъ по 10 коп. за рубль.

И въ теперешнемъ долговомъ практикуется то же самое. Въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, о подобномъ рассказываютъ...

Изъ коридоровъ, примыкающихъ къ лѣстничнымъ площадкамъ, двери вели въ номера неодинаковой величины. Къ улицѣ—номера были большіе, на дворъ—поменьше. Второй этажъ весь былъ занятъ аристократіей «ямы»: купцами почище, нѣмцами и жидами; третій, гдѣ была церковь, занимали отставные офицеры, чиновники и даже одинъ художникъ. Въ четвертомъ этажѣ находилось царство сѣраго люда, скопище несостоятельныхъ и мѣсто накопленія клоповъ и вони. Счастливыцы имѣли отдѣльные номера, конечно, не даромъ. Въ большихъ номерахъ сидѣли по двое, по трое. Но въ четвертомъ этажѣ въ одномъ номерѣ обитало шесть человѣкъ и въ двухъ, не очень большихъ, по четыре. Жидокъ изъ Бердичева, французъ, не говорившій по-русски, чухонецъ-банкротъ злой, презлой, и апраксинецъ-приказчикъ, въ прокисломъ тулупѣ, составляли населеніе одного номера. Были и пустые номера, но занимать ихъ смотритель не разрѣшалъ. Ихъ не отапливали и не освѣщали. Получалась экономія.

— Почему,—спрашиваю разъ смотрителя,—не переведете вы чухонца-банкрота и француза въ свободный номеръ? Имъ житья нѣтъ въ общемъ, гдѣ и жидомъ попахиваетъ и тулупомъ во- няетъ.

— Потому что не хочу.

--- Вѣдь это же—не резонъ, простое «не хочу».

— Вамъ такъ кажется? Ну, поищите резонъ получше. А какъ найдете, сообщите мнѣ, я его приму къ свѣдѣнію.

Больница—номеръ неопрятный, затхлый; медикаменты въ черепкахъ, къ тому же фельдшеръ глухъ, какъ осиновый пенъ. Доктора мы никогда не видали.

На всякій коридоръ полагалось по два служителя, простые сѣрые мужики. Они не отличали колбасы отъ селедки; за каждый шагъ требовали платы и были грубы.

— Иванъ, ты не то принесть,—говорю въ первый же вечеръ своему посыльному.

— Ну, чего еще?

— Я посылалъ за бѣлымъ хлѣбомъ и сыромъ, а ты купилъ колбасу.

— Значить, чухнѣ отдалъ ваше, а евоное вамъ. Размѣняйтесь сами, а мнѣ некогда.

Вмѣсто постельнаго бѣлья давали какія-то тряпки. Мало кто рисковалъ и употреблять ихъ. Пища была и недостаточна и невообразимо скверно приготовлена. Къ обѣду ходили только бѣдняки да несостоятельные. Послѣднимъ по пословицѣ: «что въ ротъ, то спасибо».

Меня очень интересовалъ классъ легкомысленныхъ жуировъ. Эти чаще всего сами себя засаживали къ зимѣ. За 2 р. 69 к. въ мѣсяцъ (размѣръ кормовыхъ) они имѣли квартиру съ отопленіемъ и столомъ. По Питеру гуляли невозбранно, такъ какъ отлучки разрѣшались по соглашенію съ кредиторами, якобы для устройства дѣлъ. Къ веснѣ жуиры начинали хлопоты о выкупѣ. Купчихи передъ Пасхой выкупали, выкупалъ и какой-то простодушный комитетъ. Деньги получали мнимые кредиторы, и жуиръ очень часто вылеталъ къ маю не только свободнымъ, но и съ карманными деньгами. Вотъ именно «голь на выдумки хитра».

Въ Тарасовкѣ, занимая отдѣльный номеръ, сидѣлъ инженеръ Х. За годъ до ареста онъ строилъ что-то очень грандіозное на какой-то желѣзной дорогѣ, и миллионы проходили черезъ его руки.

— Какъ же это вы такъ пристроились?—спрашиваю.—Несчастье съ вами случилось?

— Богъ миловалъ,—отвѣчаетъ.—Никакихъ особенныхъ бѣдствій не случилось. Чортъ меня дернулъ съ концессионеромъ-жидомъ

задраться, кралъ онъ, что называется, «Бога не боясь и людей не стыдась». За версту онъ получалъ по сто тысячъ, и это по ровной степи, почти безъ выемокъ и насыпей. Кажется, можно было бы строить хорошо. Такъ нѣтъ же, іудей рельсы клалъ легкія, полотно заставлялъ дѣлать такое, что отъ перваго дождя должно было расплзтись; подвижной составъ малочисленный, при сдачѣ перевозили его со станціи на станцію и выдавали за новый. Не вытерпѣлъ я и обличилъ. Меня сейчасъ вонъ, сдѣлали начеть на меня, и вотъ видите: сию, а мой іудей какъ-то попалъ въ генералы.

— За какія же заслуги?

— Благотворительныя дамы наградили. Подачки имъ давалъ. Инженеръ Х. сильно пилъ, съ горя, должно быть.

Пьяныхъ бывало всегда достаточное число. Спиртные напитки запрещались. Но запрещеніе—пустяки. Въ четвертомъ этажѣ двое торговали бумагой, чернилами, перьями, почтовыми и гербовыми марками; былъ торговецъ закусками и одинъ содержалъ кабакъ.

— Какъ же такъ?—спросять скептики.—Развѣ смотритель не обыскивалъ, мирволилъ?

— Боже сохрани! Смотритель былъ въ этомъ отношеніи строгъ и бдителенъ.

Гдѣ же хранились водка, вина и ликеры? Меня самого долгое время занимало рѣшеніе этого вопроса. Постоянно пьяный дьячокъ послужилъ къ открытію тайны. Спиртные напитки хранились въ церкви на клиросѣ, куда, разумѣется, смотритель не могъ проникать съ обысками. И выгодна была винная торговля въ долговомъ. Несмотря на ненасытимую жажду дьячка, торговецъ до того разжился, что послѣ примиренія съ кредиторами открылъ уже настоящій трактиръ, кажется, за Московскою заставою.

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно.

Общество Тарасовки—всѣ эти взрослые граждане, отцы семействъ, подвергались режиму, какъ школьники въ строгомъ пансіонѣ; осуждались на полное бездѣйствіе, отрывались отъ семьи и дѣлъ, насильственно объединялись съ разными пройдохами, съ «цесными жидками», въ родѣ Ицки Хапкина, въ силу только того, что задолжали грошевыя суммы ростовщикамъ; вы привыкли пить передъ обѣдомъ рюмку водки, вамъ это запретили, и вы украдкою, какъ мальчишка, таящійся отъ гувернера, надуваете смотрителя, выпиваете полуштофъ и спите одурѣвъ. Оторванный отъ работы, семьи, заключенный тоскуетъ, просто сходитъ съ ума, считая себя невинно страдающимъ, ожесточается, сближается съ плутами и самъ очень часто плутуетъ.

Тарасовка да нынѣшнее долговое есть олицетвореніе: дважды два—стеариновая свѣча. Ты долженъ, не можешь уплатить—

сиди же, лѣнись, привыкая къ плутамъ и праздности, разстраивай свое здоровье, теряя самоуваженіе, авось исправись и заплатишь...

Въ то время въ Петербургѣ самымъ тонкимъ знатокомъ банкротскихъ дѣлъ считался нѣкій еврей, по фамиліи Мышъ. Онъ самъ нѣкогда отсиживалъ. На досугѣ изучилъ всѣ тонкости, приобрѣлъ знакомства и, выйдя на волю, сдѣлался банкротскимъ оракуломъ...

С. С. Окрейцъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

IX.

ОТЪ образчикъ, какъ проводилось время въ Тарасовкѣ.

Хожу бывало по комнатѣ отъ нечего дѣлать и регулярно, сдѣлавъ десять концовъ, заглядываю въ окно и двери. Глазамъ моимъ представляется все одно и то же. На дворѣ два банкрота качаются на бревнѣ. Благодѣтельные власти снабдили такимъ развлеченіемъ Тарасовку и, какъ ни мизерно развлечение, заключенные и имъ не беззаботны. По коридору третій банкротъ, Китъ Китычъ, обанкротившійся на 80.000 руб., ходитъ, понутивъ голову. Онъ потерпѣлъ убытокъ; приказчикъ на отчетѣ сбѣжалъ, захвативъ выручку. Жена не доглядѣла.

— Стерва толстомясая, только въ банѣ париться знаетъ,—жаловался банкротъ на свою жену.—Вотъ какъ выйду, доберусь же я до нея.

Въ сосѣдномъ номерѣ поетъ французъ. Онъ содержалъ въ пассажѣ магазинъ и оборвался. Превеселый человѣкъ, вѣчно поетъ, цѣлый день ходитъ въ туфляхъ и нижнемъ бѣльѣ и ко всякому обращается съ просьбою: «Donnez moi quelque sous» (дайте мнѣ нѣсколько копеекъ).

При встрѣчѣ съ начальствомъ французъ всякій разъ подвергается операціи: «дохните на меня». Увы, французъ любитъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. CVIII, стр. 73.

красное вино и ухитряется (черезъ жену) добывать его достаточно, что до крайности тревожитъ власти.

— Я васъ посажу съ жидами и мужиками,—грозитъ суровое начальство.

— О, mon Dieu! вопить жалобно французъ и черезъ минуту снова затягиваетъ на мотивъ изъ «Мадамъ Анго».

Суроваго капитана изъ номера девятого нѣтъ дома. Это человѣкъ, судьбою ожесточенный. Онъ былъ на вершинахъ петербургскаго благополучія и палъ въ бездну Тарасовки. Служилъ онъ въ гвардіи и даже ротой командовалъ; какая-то графиня отдала ему очень выгодно свой домъ въ аренду. Отъ этой аренды онъ не только жилъ съ шикомъ, не только спилъ двѣ шелковыя рясы своему родителю, захудалому попу, но и держалъ любовницу-нѣмочку, на зависть всѣмъ своимъ полковымъ товарищамъ и къ ужасу своего родителя, благочестивой жизни священника, своихъ братьевъ, не менѣе благочестивыхъ поповъ, дьяконовъ и прочей родни изъ колѣна Левіина. Капитанъ погибъ не отъ легкомыслія; его сразили коварство и испорченность интеллигенціи нашей столицы, какъ онъ фигурально выражался, рассказывая свою исторію. До чуткаго слуха капитана дошло, что нѣкая дама беретъ деньги и даетъ мѣста. Капитанъ былъ практиченъ. Блескъ гвардейскаго ротнаго командира имѣлъ свою прелесть. Но выгодное мѣсто прельщало еще болѣе, и онъ рискнулъ: собралъ, занялъ, прихватилъ и далъ таинственной дамѣ мзду... По его показанію, дама повезла его даже къ лицу, отъ котораго зависѣло мѣсто. Онъ стоялъ въ пріемной, пока дама просила за него въ кабинетѣ (увы, за него ли только просила коварная, находясь въ кабинетѣ). Сановникъ вышелъ, принялъ отъ него докладную записку и скрылся. Съ тѣхъ поръ прошло шестъ лѣтъ, а мѣсто все еще капитаномъ не получено. Попавъ въ Тарасовку, вслѣдствіе «занялъ и перехватилъ»—въ отставку его давно уже принудили выйти,—несчастный вопилъ и жаловался, но тщетно. Капитанъ во всемъ этомъ дѣлѣ считалъ себя благороднымъ рыцаремъ, а сановника и коварную даму—злыми виновниками своего несчастья и разоренья. На мои робкія представленія, что и онъ неправъ, стремясь путемъ подкупа добыть себѣ теплое мѣстечко, ожесточенный капитанъ свирѣпо протестовалъ.

— Помилуйте,—говорилъ онъ:—да что тутъ предосудительнаго? Половина мѣсть въ Петербургѣ такъ добывается. Я заплатилъ чистыя деньги. Одинъ ли я за мѣсто заплатилъ. У насъ былъ офицеръ, такъ тотъ и ротой не командовалъ, а какое мѣсто получилъ, тоже черезъ бабу... Прихожанкою его отца была и, знаете, вліятельная. Каждый праздникъ родитель по просвиркѣ ей высылалъ на серебряномъ подносѣ. Всего и только, а ублаговотворила, можно сказать, на всю жизнь. А въ одномъ грена-

дерскомъ полку былъ капитанъ изъ хохловъ, такъ тотъ тоже черезъ бабу...

Противъ примѣровъ я, разумѣется, ничего не могъ возразить и умолкъ. Сегодня капитана дома нѣтъ — ушелъ къ отцу навѣдаться. Родитель не даетъ ему ни копейки, а у капитана аппетитъ страшный. Отъ голода человѣкъ сей даже на богоуленія дерзаетъ...

Х.

Отъ скуки я даже одурѣлъ немного. По временамъ, когда я для развлечения хожу по комнатѣ, мнѣ кажется, что и комната тоже ходитъ. Въ окна зияетъ мракъ и давно уже тамъ ничего не видно, кромѣ мириадъ огоньковъ во всѣхъ окнахъ этажей великаго города Петрополя. Зданій не видно; блестятъ во мракѣ только огоньки выше - ниже, близко - далеко. Очень странное зрѣлище. По коридорамъ шмыгаютъ служители съ чайниками. Въ четвертомъ этажѣ Хайкинъ пишетъ кому-то прошеніе, должно быть, въ коммерческій: поминутно заглядываетъ въ томикъ законовъ. Населеніе 4-го этажа столпилось вокругъ и слушаетъ изреченія своего оракула; слышатся слова:

— Сходи къ Мышу... онъ знаетъ и присовѣтуетъ.

Проходя по коридору 2-го этажа, видѣлъ черезъ открытыя двери номера, какъ князь Сергѣй Берегобужскій положилъ на столъ полфунта сыру и фунтъ бѣлаго хлѣба и угощалъ этимъ человѣкъ пять легкомысленныхъ неисправныхъ, привлеченныхъ блескомъ его имени. Кромѣ сыра и хлѣба, князь Сережа угощалъ еще повѣствованіемъ о своемъ свѣтскомъ величій и подвигахъ своихъ товарищей, разныхъ Гришъ, Санъ и др. Пока гости слушали и глядѣли, голодный князекъ самъ съѣлъ весь хлѣбъ и сыръ.

Ночью тишина царитъ въ Тарасовкѣ. На каждой площадкѣ лѣстницы дремлетъ служитель. Зачѣмъ? Богу сіе лишь вѣдомо. Коптятъ лампы, и въ церковныя двери пробирается за водкою, хранящейся на клиросѣ, нашъ кабатчикъ. Начальства нѣтъ дома, и, въ силу этого, изъ номера въ номеръ шмыгаютъ тѣни. У француза отъ времени до времени слышится звонъ посуды, пѣніе, но болѣе ничего не слышно. У князя въ номерѣ «шопотъ, робкое дыханье», но соловьиныхъ трелей нѣтъ...

Иногда какіе-нибудь инциденты разнообразятъ день: за обѣдомъ кто-нибудь изловитъ въ супѣ прусака. Призванный смотритель сперва клянется, что это листочекъ луку, а когда ему предъявятъ усики и лапки, гнѣвается.

— Ну васъ! — закричитъ. — Не я готовлю супъ... За всякимъ прусакомъ не усмотришь,

Большаго отъ него нельзя добиться. Послѣ обѣда не совѣмъ трезвый князь Сережа вылилъ себѣ на штаны керосинъ изъ горѣвшей лампы. Въ штанахъ была бутылка водки, она разбилась, и вся смѣсь воспламенилась. Обожженного князька снесли въ лазаретъ. У фельдшера не оказалось лекарства. Послали за частнымъ докторомъ и въ частную аптеку.

— Если такъ, — говорю смотрителю: — упразднить бы вашего фельдшера, больницу и доктора. Какая съ нихъ польза?

— Эка, выдумали. А еще литераторъ, — возразилъ смотритель. — Какая польза. А посѣтители? Вотъ заѣзжали лѣтомъ генералы. Гдѣ больница? Первый вопросъ. А вы — упразднить.

Вечеромъ по субботамъ объявляютъ заключеннымъ, кому даны выходы на слѣдующей недѣлѣ. Капитану даны сразу три выхода. Онъ очень лебезитъ передъ смотрителемъ. Но непризнательное кутейниче сердце капитана сейчасъ же сказалось. Онъ, получивъ выходы, не почувствовалъ умиленія къ начальству за данные выпуски, а напротивъ, собравъ должниковъ посѣрѣе, объявилъ имъ, что у него въ ротѣ фельдфебелемъ былъ солдатъ, родной братъ этого (смотритель былъ изъ исправныхъ околоточныхъ) и много, много умнѣе его. И что этотъ (т. е. смотритель) знаетъ, кто такое капитанъ Левитовъ и не смѣетъ отказывать ему въ выходахъ, какъ другимъ. Должники свято ему повѣрили и одолжили энергичному и находчивому капитану, кто шапку, кто сапоги, кто шубу. Даже платокъ носовой принесъ одинъ купецъ, увѣряя очень наивно, что для него платокъ совѣмъ излишняя вещь. У капитана ничего своего не было, кромѣ форменнаго пальто, онъ все имущество давно уже проѣлъ.

XI.

Посѣщало начальство, вѣдающее экономическую часть. Очень осталось довольно чистотою кухни. Одинъ нѣмецъ попробовалъ было жаловаться и засыпалъ по-нѣмецки. Ему предложили говорить по-русски. Нѣмецъ умолкъ и не жаловался. Вечеромъ бѣдняга ходилъ очень огорченный и у всѣхъ допытывался: не сошлютъ ли его въ часть за попытку жаловаться? Буйныхъ временно отправляли въ часть. Тамъ они содержались подъ замкомъ съ жуликами. Неприятное мѣстопробываніе. Мы успокоили нѣмца, увѣряя, что не сошлютъ, и онъ пошелъ спать.

Задался вопросомъ: отчего въ долговомъ такъ много евреевъ?

— Да это вовсе не должники, — появился мнѣ мой сожигатель Ивановъ. — Видите: котораго высылаютъ изъ столицы, онъ сейчасъ садится въ долгое — и его не тронуть. Къ тому же за 2 руб. 69 коп. имѣетъ столъ, квартиру и баню. Благодать.

Кстати о капитанѣ: онъ насъ жестоко подкузьмилъ. Нѣсколько дней все говорилъ, что дѣла его поправились: одинъ изъ полковыхъ товарищей уплачиваетъ ему стараго долга тысячу триста рублей. На эти деньги онъ мирится съ кредиторомъ и дѣлаетъ экипировку на выходъ изъ Тарасовки.

— Я скоро женюсь,—дружески сообщилъ мнѣ капитанъ.—Приданое—домъ. Хотите, я поручу вамъ управлять домомъ?

Я поблагодарилъ и отказался. Гдѣ мнѣ? Надо понимать.

— Что тутъ понимать? Поднимайте цѣны на квартиры, и все тутъ. Впрочемъ, какъ хотите.

Всѣ мы изъ разсказовъ капитана очень подробно знали, сколько онъ заказалъ себѣ сюртуковъ, жилетовъ и панталонъ; сколько взялъ съ него Жюль Флоранъ за вышитыя рубашки, а знаменитый сапожникъ Букъ за три пары сапогъ. Капитанъ даже счетъ сдѣлалъ и показалъ намъ, что его экипировка будетъ стоить 872 руб. 35 коп.

— Порядочному человѣку менѣе невозможно употребить на гардеробъ,—говорилъ суровый воинъ. И мы вѣрили, что меньше невозможно. Наканунѣ своего выхода на волю онъ объявилъ, что его платье и сапоги еще не готовы, просилъ одолжить, доѣхать до квартиры, шубу, шапку, сапоги и тому подобныя вещи. Всѣ, конечно, одолжили. Я далъ шубу.

— Приглашаю васъ на мою свадьбу,—говорилъ капитанъ.

Купцы въ особенности были польщены такимъ приглашеніемъ, но капитанъ надулъ насъ. По справкамъ оказалось, что съ кредиторомъ онъ не мирился, а просто переписалъ документъ, чтобы на волѣ попытаться что-либо промыслить. Іерей-отецъ очень ужъ плакался передъ ростовщикомъ и тотъ, хотя былъ аспидъ и василискъ, но іерея уважилъ и пустилъ капитана на малое время полетать.

Капитанъ выписался изъ Петербурга. Гдѣ я теперь возьму мою шубу, если онъ дѣйствительно улетучился? Купецъ, одолжившій ему носовой платокъ, говорилъ, что, конечно, собственно для него платокъ плевая вещь, иначе зачѣмъ же такая политика? и чужое брать, особливо господину офицеру, благородному, совѣтъ не слѣдуетъ.

— Да, не слѣдуетъ брать чужое,—согласился я и вздохнулъ о своей шубѣ. Для очищенія совѣсти написалъ къ іерею, укоряя его за поступокъ сына и возлагая мою шубу на его іерейскую совѣсть.

Прошло три мѣсяца со дня ареста, а я еще не былъ за порогомъ заведенія. Такая тоска одолѣла, что даже явилась жалость, зачѣмъ нѣтъ здѣсь водки... напился бы и спалъ, снова бы напился и снова спалъ. И такъ до дня освобожденія изъ плѣна вавилонскаго. Повѣренный банка заѣзжалъ и вызывалъ меня. Тошій,

высокій, большія торчащія уши, выпученные черные глаза и типичный носъ. Несомнѣнный іудей. Одѣтъ въ безукоризненный фракъ и бѣлье. Запонки на рубашкѣ брильянтоваыя. Спрашиваетъ, думаю ли я уплатить.—А мы бы вамъ, пожалуй, скинули сколько-нибудь, добавляетъ.

— Да у меня ни гроша нѣтъ.

Поморщился.

— Плохо, значитъ, ваше дѣло,—говорить.—Все же подумайте.

— Что тутъ думать. Развѣ я могу теперь, въ ямѣ, думать о чемъ-нибудь. И что пользы размышлять?

Въ концѣ мая меня выкупила купчиха Трюхина въ память усопшаго супруга. А этотъ Иванъ Трюхинъ нещадно бивалъ ее, по ея же словамъ. Поживи еще маленько больше—въ гробъ бы запряталъ.

— Молитесь за евою душеньку,—говорила мнѣ Трюхина... Не колоти онъ ее при жизни, пожалуй, не подумала бы выкупить узниковъ. Такъ—все на свѣтѣ.

ХІІ.

Вывравшись изъ Тарасовки, я снова началъ работать въ «Петербургскомъ Листкѣ». Редакціей завѣдывалъ уже не Михайлъ Михайловичъ Стопановскій, а А. А. С—въ, и нынѣ благополучно здравствующій. Второстепенный актеръ, бѣгавшій по редакціямъ съ очерками, онъ разомъ сдѣлался самостоятельнымъ и даже богачомъ. Собственница изданія, Гельфрейхъ, наскучивъ удовлетворять безконечныя денежныя требованія Стопановскаго, все только обѣщавшаго ей въ будущемъ прибыли, сдала въ аренду свой «Листокъ» С—ву.

У новаго арендатора-редактора, разумѣется, не было ни гроша за душой. Къ Гельфрейхъ его ввелъ въ домъ конторщикъ газеты По—ревъ. С—овъ былъ видный, красивый мужчина, говорилъ—красно, и послѣ трехъ свиданій Гельфрейхъ, нестарая еще вдова, отправилась съ нимъ къ нотаріусу и совершила контрактъ на 8 лѣтъ, отдавъ изданіе за небольшую ежегодную уплату.

Получивъ контрактъ, С—овъ явился въ редакцію. Со Стопановскимъ онъ былъ въ ссорѣ. Тотъ нахмурился, увидавъ его.

— Вѣдь вы, А. А., обѣщали не заглядывать въ мою редакцію?—замѣтилъ онъ.

— Я въ вашу редакцію и не заглядывалъ.

— Однако пришли.

— Въ свою пришелъ, а не въ вашу.

— Какъ въ свою? Редакцію «Листка», однакоже, управляю я.

— Только не сегодня. Теперь я хозяинъ.

И С—овъ предъявилъ свой контрактъ. Мнѣ было жаль Стопановскаго. При всей своей безалаберности, лѣни, разсѣянности, онъ

былъ настоящій литераторъ, самъ писалъ много и тепло, вдумчиво относился къ написанному другими. Теперь, когда издательствуютъ разные жидки, плохо даже говорящіе по-русски, подобное требованіе, чтобы редакторъ-издатель былъ самъ литераторомъ, звучитъ странно. Но тогда было иное время. На съ, сотрудниковъ, нѣсколько коробило состоять подъ руководствомъ второстепеннаго актерика. Послѣдствія оправдали наши опасенія. Газета улучшилась, пошла бойко, но... наши заработки нимало не улучшились.

Въ числѣ сотрудниковъ были люди съ очень недюжинными талантами, напр., Куцевскій, помѣстившій вскорѣ въ некрасовскихъ «Отечественныхъ Запискахъ» романъ «Благополучный россиянинъ». Куцевскій буквально бѣдствовалъ и романъ свой написалъ въ больницѣ, въ которую укрылся, не имѣя на зиму ни платья, ни квартиры.

Некрасовъ далъ ему сразу что-то очень много денегъ, кажется, двѣ тысячи. Куцевскій запилъ и въ пьяномъ видѣ женился на своей кухаркѣ. Любимымъ его кушаньемъ были сибирскіе пельмени, на которые онъ и приглашалъ насъ обыкновенно. Жена его оказалась доброй, простой женщиной и продолжала стряпать на кухнѣ. Дальнѣйшія работы Куцевскаго были много слабѣе.

Приходитъ разъ онъ ко мнѣ (я редактировалъ тогда журналъ «Вазу») и бросаетъ съ проклятіемъ толстую рукопись на столъ.

— Отказалъ въ помѣщеніи,—говорить.

— Кто? Некрасовъ?

— Да нѣтъ. Салтыковъ... О, голова! Его на мякинѣ не проведешь.

— А твой романъ—мякина?

— Разумѣется. Все пьянствую, братику, некогда обдумывать. Писалъ смаху... Думалъ, сойдетъ. Анъ, не сошло. Прихожу я къ Михаилу Евграфовичу. Посмотрѣлъ на меня, поморщился, гримасу кислую-прекислую сдѣлалъ и говоритъ: «Вы свой романъ не написали, а набоборыкали». Да вѣдь болѣе мѣткого эпитета, три года думай, не придумаешь для характеристики мертворожденныхъ сочиненій, писанныхъ наскоро. Боборыканье это, а не солидная работа.

Боборыкинъ въ началѣ 70-хъ годовъ считался какимъ-то борзописцемъ, третьестепеннымъ литераторомъ.

Въ редакціи «Листка» познакомился я съ Н. А. Лейкинымъ, служившимъ въ тѣ поры въ первомъ страховомъ обществѣ и обличившимъ въ одномъ очеркѣ своего директора, за что его попросили убраться. Но это случилось много позже. Талантъ Николая Александровича былъ замѣчательнъ, онъ писалъ свои сценки, вызывавшія множество подражаній, легко, безъ всякаго почти труда. И однакоже сценки выходили всегда типичны и читались первыми.

— Скажи, Николай Александровичъ, во сколько времени ты можешь написать сценку?—спрашиваемъ его.

— Если строкъ въ полтора, въ полчаса напишу.

— И напишешь на заданную тему?

— И это могу.

Мы дали ему листъ бумаги, назначили тему, и онъ написалъ живую, превосходную сценку ровно въ 26 минутъ. Писалъ онъ очень мелко, какъ бисеромъ низалъ, но четко и безъ помарокъ. Впослѣдствіи Николай Александровичъ разошелся съ С—мъ и ушелъ къ С. Н. Худекову въ «Петербургскую Газету». Значительная доля успѣха этого изданія принадлежитъ именно Лейкину. Собственница «Петербургской Газеты» Зарудная отдала Х—ву ее въ аренду, кажется, всего при тысячѣ подписчиковъ. Къ Х—ву ушли изъ «Листка», кромѣ Лейкина, Жулевъ, У—овъ, Д. Д. Минаевъ и многіе другіе.

Въ «Листкѣ» работалъ въ мое время Ганечка Максимовъ—братъ извѣстнаго актера. У него былъ большой юмористическій талантъ. Это онъ сочинилъ приключенія маркиза Д'Овраль-Донельза; ему принадлежитъ и типъ китайца Самъ-Пью-Чай. Бѣднаго юмориста заставили вырѣзывать извѣстія изъ газетъ.

— Что, Ганечка, ничего не пишешь?—спрашиваю.

— Зато вырѣзаю много!—отвѣчаетъ Максимовъ.

Димитрій Димитріевичъ Минаевъ былъ развязный, громко всегда говорившій, средняго роста, плотный человѣчекъ. Каламбурами, экспромтами онъ положительно сыпалъ, когда бывалъ въ духѣ, т. е. въ легкомъ подпитіи.

За что-то онъ не взлюбилъ Буренина.

Разсказывали, что, встрѣтивъ своего врага на Невскомъ, Минаевъ остановился, протянулъ руку, указывая на мимо пробѣгавшую собаку, и воскликнулъ:

По улицѣ бѣжитъ собака.
Идетъ Буренинъ--тихъ и милъ...
Городовой! смотри, однако,
Чтобъ онъ ее не укусилъ.

XIII.

Къ намъ въ редакцію «Листка» въ скорости поступилъ еще новый сотрудникъ, грубоватый семинаристъ, говорившій на Ѳ, Парвовъ.

Федоръ Федоровичъ Парвовъ,
Врагъ монаховъ и поповъ.

Такъ онъ самъ себя рекомендовалъ. Служилъ онъ, помнится, въ сыскномъ отдѣленіи, что не помѣшало ему помѣститься у Стасюле-

вича въ «Вѣстникѣ Европы» одинъ, или даже два, талантливыхъ очерка изъ крестьянскаго быта.

Парвовъ рассказывалъ, какъ онъ знакомилъ автора «Петербургскихъ трущобъ» съ петербургскимъ трущобнымъ миромъ.

— Помяловскій создалъ тему «Петербургскихъ трущобъ»,—говорилъ онъ.—Ну, этотъ бы написалъ нѣчто истинно драматическое, а Крестовскій нацарапалъ 101 фельетонъ. Поверхностно. Мелодрама у него и все французятина, а не солидная работа.

Сужденіе было очень мѣткое. Покойный Парвовъ былъ неглупый человѣкъ и съ литературнымъ талантомъ. Богъ его знаетъ, зачѣмъ онъ попалъ въ сыскное отдѣленіе. Такъ-то часто у насъ, на Руси, способные люди попадаютъ не въ свою колею!

Упомяну еще о талантливомъ молодомъ литераторѣ Ломачевскомъ, такъ рано и такъ трагически погибшемъ. Его искусила бѣшеная собака, которую ему вздумалось погладить на улицѣ. Несчастный и не подозрѣвалъ своего положенія, пока не начались припадки.

Увидя у него повязанную руку, спрашиваю, что съ нимъ?

— Песъ укусилъ,—говоритъ.—Странно! Никогда меня ни одна собака не укусила. Чувствуютъ, кто ихъ любитъ, а тутъ вдругъ протянулъ руку погладить песика—цапнулъ.

— Ты бы посоветовался съ докторомъ.

— Ну, пустяки.

Черезъ мѣсяцъ бѣдняга скончался въ больницѣ въ ужасныхъ мукахъ.

Сочиненія Ломачевского—бытовые очерки. Ихъ, кажется, до сихъ поръ никто не собралъ и не издалъ. Лучшій, сколько помню, назывался «Маленькій комендантъ»—характерный типъ петербургскаго старшаго дворника и цѣлой плеяды жильцовъ большого дома.

Съ редакціей «Листка» онъ тоже въ послѣднее время разошелся и перекочевалъ къ Ивану Успенскому, издававшему «Сынъ Отечества», но попалъ, что называется, изъ огня въ полымя.

Этотъ Успенскій и еще Шрейеръ, чернобородый, высокій мужчина, несомнѣнно, изъ евреевъ, вѣчно одѣтый во фракъ, были, можно сказать, первыми ласточками-предвѣстницами той стаи нынѣшнихъ не литературныхъ редакторовъ-издателей, ворвавшихся въ храмъ журналистики съ единственнымъ принципомъ «жрррать», какъ выражался о такихъ людяхъ Щедринъ-Салтыковъ.

И. Успенскій нажилъ домъ (въ Почтамтской) и капиталъ, но сквалыжничалъ и тѣснилъ сотрудниковъ. Бѣднякъ Ломачевскій за гроши составлялъ ему цѣлые номера, составляя и передовицы, и фельетоны, и отчеты о театрѣ.

— Я бы и прибавилъ ему,—говорилъ Успенскій:—да боюсь—запыльеть. Впроголодь-то лучше работаетъ.

Ломачевскій часто появлялся на Невскомъ въ ужасномъ костюмѣ: въ круглой шляпѣ, напоминавшей трубочиста, въ рваныхъ сапогахъ и въ панталонахъ съ бахромою.

— Накорми, голубчикъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды, встрѣтивъ на углу Михайловской улицы.—Вѣришь, со вчерашняго дня ничего не ѣлъ.

— А редакторъ твой Успенскій?

Замахалъ рукой.

— Гдѣ ты квартируешь?

— Сегодня ночевалъ на скамьѣ Конногвардейскаго бульвара.

Тогда въ Петербургѣ не было ни фонда, ни комиссіи и бѣдствующему писателю рѣшительно не къ кому было обратиться въ минуту трудную.

XIV.

С—въ принадлежалъ къ театральному мірку, и въ редакцію «Листка» часто заходили актеры изъ Александринки. Въ тѣ поры Яблочкинъ былъ режиссеромъ, и на сценѣ господствовала почти безраздѣльно оперетка. Только что прошла пора восхищенія «Орфеемъ въ аду» съ куплетами на злобу дня, что казалось тогда очень смѣлымъ, и наступила эпоха «Прекрасной Елены». Играли эту оперетку: Елену—Лядова, несравненно высокоталантливая актриса; Калхаса—Варламовъ и Париса—Сазоновъ.

С—овъ ввелъ меня въ уборную къ Лядовой. Со сцены она мнѣ казалась почти дѣвочкой, хорошенькой, идеальной (особливо въ «Периколѣ»), но въ уборной передо мной стояла довольно полная, съ чисто русскимъ типичнымъ лицомъ женщина. Она была оживлена, много смѣялась и напоминала здоровую охтенскую молочницу. Въ обращеніи ласковая и милая, Лядова тутъ же пригласила меня на ужинъ.

Я впервые участвовалъ на подобномъ вакхическомъ пиру. Все мнѣ было ново и поразительно: и количество выпитаго вина, и рѣчи пировавшихъ, и обращеніе.

Какъ кончился ужинъ—не помню. На утро я проснулся у г-жи А., толстенькой, немолодой выходной актрисы, которую даже не зналъ, какъ зовутъ, и впоследствии видѣлъ всего еще одинъ разъ. Кто-то сдалъ меня ей на руки, не зная моей квартиры, и она увезла меня къ себѣ ночевать. Пиръ этотъ былъ буквально такой, о какомъ Жулевъ писалъ:

Ужъ мы пили, пили, пили,
Ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли,
Такъ что еле, еле, еле,
По домамъ насъ растащили.

Монаховъ, плотный, черноволосый, красивый господинъ, не отличался ни оживленіемъ, ни юморомъ, въ обществѣ обыкновенно онъ молчалъ, изрѣдка улыбался; на лицѣ его было написано пресыщеніе и скука. Онъ терпѣть не могъ, когда его въ обществѣ просили декламировать. Пилъ онъ замѣчательно много.

Но на сценѣ юморъ его былъ буквально поражающій. Каждое слово, произнесенное имъ, отличалось выразительностью. Когда онъ игралъ губернатора въ «Периколъ», довольно было ему появиться и сказать свое «инкогнито—инкогнито», чтобы весь театръ задрожалъ отъ взрыва рукоплесканій.

Барламовъ былъ восхитителенъ въ роли Калхаса, когда произносилъ съ кислую гримасою: «Цвѣты! Все цвѣты! Зачѣмъ цвѣтовъ такъ много? Барашекъ было бы лучше».

Сазоновъ, въ ту пору—розовый юноша, довольно сухощавый, нѣсколько малый ростомъ для сцены, считался даровитымъ актеромъ. У него никогда не было того, что называется вдохновеніемъ; онъ игралъ ровно, старательно и доигрался до первыхъ ролей.

Очень любезный, предупредительный, осторожный, Сазоновъ только, помнится, однажды возбудилъ противъ себя бурю, пропѣвъ куплеты: «Шини, шини, шини!»

Съ Федоровымъ, начальникомъ репертуарной части, онъ отлично ладилъ, чѣмъ не могли похвастать другіе актеры, и проигрывали.

Нильскаго и Струйскую публика не любила, и мнѣ, признаться, оба эти артиста не нравились. М. Г. Савина еще не появлялась на сцену.

Заходилъ въ редакцію Теодоръ Бурдинъ—драматическая оглобля, какъ его окрестилъ талантливый критикъ. Бурдинъ, толстякъ съ животикомъ вовсе не драматическимъ, былъ исполненъ самомнѣнія о своемъ дарованіи. Онъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что Толстой добивался, чтобы онъ игралъ роль Іоанна въ его трагедіи. Едва ли это такъ. Въ театральныхъ кружкахъ объ этомъ не говорили. Грознаго Івана онъ ничѣмъ не напоминалъ. И куда бы онъ дѣвалъ свое брюхо, играя Іоанна? Велико ли было бурдинское дарованіе—судить не берусь. Игра Бурдина мнѣ не нравилась.

Самойловъ царствовалъ на сценѣ. Каратыгина уже не было, но съ сыномъ его, Петромъ Каратыгинымъ, остроумнымъ писателемъ, былъ я хорошо знакомъ. Онъ тогда помѣщалъ у Хана свой романъ невысокаго качества.

Еще помню Бродникова—жирнаго, прежирнаго господина и довольно плохого актера. Онъ вѣчно вздыхалъ и жаловался на судьбу и злобу людей.

Вотъ и всѣ мои театральныя воспоминанія. Записнымъ театраломъ я никогда не былъ. Въ волны закулиснаго міра не погружался и о томъ, что происходитъ въ немъ, узналъ немного и

Этимъ немногимъ мало интересовался. Всѣ мои симпатіи были всецѣло отданы журналистикѣ. Къ ея дѣятелямъ и возвращаюсь.

XV.

Когда я припоминаю своихъ давнихъ литературныхъ знакомыхъ, мнѣ дѣлается жутко. Всѣ, всѣ почти умерли. Не могу даже съ Пушкинымъ сказать:

Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече.

Всѣ умерли. Даже и «далеко», кажется, никого уже не остается. И какъ это случилось, что я, слабый и хилый, перенесшій такъ много, пережилъ ихъ, здоровяковъ, крѣпышей, полныхъ жизни и много общающихся талантовъ?

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ чрезъ Николая Ивановича Шульгина меня пригласилъ сотрудничать знаменитый въ то время редакторъ (закулисный) журнала «Дѣло», имѣвшаго у молодежи огромное значеніе, Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ.

Это былъ рыжеватый блондинъ съ пергаментнымъ лицомъ, сѣрыми зоркими глазами и подстриженными усами, дѣлавшими его похожимъ на унтера Николаевского времени.

Дѣльный семинаристъ, грубый, но умный и съ литературнымъ чутьемъ, Благосвѣтловъ много заслужилъ уже тѣмъ, что открылъ и выдвинулъ Писарева.

Писаревъ, какъ извѣстно, началъ писать стихи. «Ерунда это была,—говорилъ объ этихъ стихахъ Благосвѣтловъ.—И когда онъ читалъ мнѣ свои стихи, я, полюбовавшись его прекрасно очерченнымъ лбомъ, умными глазами, предложилъ ему бросить поэзію и попробовать писать публицистическія и критическія статьи».

— Вышелъ какой критикъ. Вотъ какой!—Григорій Евлампіевичъ показывалъ, высоко поднимая руку.—Но я его натаскалъ.

— Какъ же это? вы натаскали критика, да еще такого умницу, какъ Писаревъ.

— Да, очень просто: я указывалъ ему темы, давалъ высказываться и, главное, далъ направленіе...

Направленіе въ 60-хъ годахъ значило много. Сколько было правды въ этихъ словахъ Благосвѣтлова—судить не берусь. Думаю, Писаревъ и безъ его «натаскиванія» вышелъ бы крупнымъ писателемъ. Но получить въ ходкомъ, модномъ журналѣ въ полное распоряженіе критическій отдѣлъ много значило. Писаревъ въ «Русскомъ Словѣ» могъ развернуться, и развернулся во всю ширь своего дарованія.

Благосвѣтловъ блюлъ за направленіемъ, но никому не мѣшалъ писать, что и какъ кто желалъ. Таковъ былъ тогда литературный обычай и литературная редакторская этика. Совсѣмъ не то, что нынѣ.

Въ Москвѣ одинъ литературный сапожникъ, тачающій, т. е. редакторствующій свои литературные сапоги, хвалился, что онъ не помѣстилъ статьи, рекомендованной ему Л. Н. Толстымъ.

— Самъ зашелъ въ редакцію (совралъ, голубчикъ!) и передалъ рукопись,—утверждалъ литературный сапожникъ.—А я ее въ сорную корзину...

Въ наши дни (60-ые года) все написанное даровитымъ человекомъ, все рекомендованное авторитетомъ уважалось. Тогда еще въ литературѣ не начиналъ раздаваться «гимнъ торжествующей свиньи».

Благосвѣтловъ, при всей своей деревянности и грубоватости, берегъ и цѣнилъ даровитыхъ писателей. Онъ, правда, имъ платилъ какъ можно меньше, но къ тому, что написалъ кто-либо, если написанное было хорошо, относился тепло, любовно, только бы оно не противорѣчило направленію изданія. Направленіе было у него всегда строго выдержано.

Съ цензурою Благосвѣтловъ отлично ладилъ. Шишковъ, Шелгуновъ, Зайцевъ, Флеровскій (Берви) и другіе развернулись и высказались въ его изданіяхъ.

Редакторъ сумѣлъ придать интересъ издаваемому, почти ничего самъ не пиша; въ его журналѣ была жизнь и искренность, а журналъ, въ свою очередь, далъ ему состояніе.

О томъ, какъ «Русское Слово» отъ Кушелева досталось ему, рассказывали много. Но если то, что говорили, была истина, то все же какъ «Русское Слово», такъ и «Дѣло» были обязаны своимъ значеніемъ исключительно ему, Благосвѣтлову.

Послѣ его смерти «Дѣло» сейчасъ же захирѣло, при составѣ почти тѣхъ же сотрудниковъ, какіе были и при немъ.

Я работалъ у Благосвѣтлова по отдѣлу журналистики, кажется, съ годъ, пока не купилъ у М. Хана его «Всемирный Трудъ», съ изданіемъ котораго мнѣ такъ не повезло, несмотря на его безцензурность. Но объ этомъ скажу ниже.

У Благосвѣтлова бывали вечерами собранія сотрудниковъ. Самъ онъ игралъ роль гостепріимнаго хозяина, подавали даже горячій ужинъ; бывали и дамы не изъ литературы. На этихъ вечерахъ Минаявъ, по обыкновенію, подвыпивъ, буйствовалъ. Онъ былъ съ Благосвѣтловымъ на ты и кончалъ тѣмъ, что начиналъ его ругать. Впрочемъ, ругательства тогда и въ печати были въ ходу. Мнѣ передавали, что умершій въ то время Писаревъ не любилъ этихъ вечеровъ, якобы литературныхъ! Когда Благосвѣтловъ спрашивалъ:

— А ты сегодня ко мнѣ придешь?

Писаревъ отвѣчалъ другимъ вопросомъ:

— Будетъ пулька въ преферансъ?

— Нѣтъ, сегодня не составитъ. Некому играть.

— Ну, тогда и Писарева не будетъ.

Прославленный критикъ 60 годовъ любилъ преферансъ. «За картами отдыхаешь!» говорилъ онъ.

Въ редакціи «Дѣла» я сошелся съ Александромъ Константиновичемъ Шеллеромъ (А. К. Михайловымъ) и Шулыгинымъ, ответственнымъ редакторомъ. Одно время былъ близокъ съ талантливымъ поэтомъ Ѳедоровымъ (Омулевскимъ). Онъ написалъ довольно сумбурный романъ «Шагъ за шагомъ», полный всякаго лжелиберализма; тамъ былъ даже намекъ на лошадиную революцію. Герой романа Свѣтловъ—яркій образчикъ книжныхъ, выдуманныхъ героевъ. Какая-то знатная полька въ романѣ изъ принципа сходится и живетъ съ мужикомъ...

— Это сумбуръ,—говорилъ я Ѳедорову-Омулевскому. Ты полекъ въ глаза не видалъ; ни одна изъ нихъ не сойдется съ мужикомъ. Кромѣ того, твой мужикъ православный и потому для польки-патріотки—не человекъ. А твой Свѣтловъ—просто китайская тѣнь.

Ѳедоровъ за это очень злился.

Какъ-то въ бывшемъ «Художественномъ клубѣ» мы крѣпко поспорили, и обоимъ намъ запретили входъ.

Романъ имѣлъ успѣхъ. Такое было уже время!

Въ числѣ сотрудниковъ «Дѣла» въ концѣ 60-хъ годовъ были Д. Д. Минаевъ, Старостинъ, Бажинъ, Н. Каразинъ и другіе.

Начну съ характеристики Шеллера. Онъ въ тѣ поры еще жилъ на Сергіевской, въ домѣ придворныхъ служителей, въ одной большой комнатѣ, съ матерью и отцомъ. Кровати стариковъ и Александра Константиновича были отгорожены ширмами; у окна стоялъ скромный письменный столикъ, заваленный рукописями; Шеллеръ завѣдывалъ въ «Дѣлѣ» белетристическимъ отдѣломъ. Только тѣ романы и повѣсти, которые отъ одобрилъ и выправилъ, окончательно читалъ Благосвѣтловъ. Работы было у него много. Шеллеръ съ уваженіемъ и любовью относился къ своимъ старикамъ. Званіемъ отца, придворнаго лакея, онъ, тогда очень извѣстный писатель, нисколько не конфузился.

— Поѣдемъ съ тобою въ Петергофъ,—предложилъ онъ мнѣ какъ-то лѣтомъ въ редакціи «Дѣла», помѣщавшейся въ Троицкомъ переулкѣ, въ первомъ этажѣ.

— Зачѣмъ мнѣ ѣхать въ Петергофъ?—спрашиваю.

— Я тебѣ покажу, какъ служить за царскимъ столомъ мой батюка. Сегодня тамъ высочайшій обѣдъ.

Мы поѣхали. Стали у парапета противъ Самсона. Никто намъ не препятствовалъ. Дворцовыя окна всѣ были настежь. Стояли мы и глядѣли, какъ обѣдалъ покойный государь Александръ II съ семьей. Шеллеръ указалъ на своего отца, стоявшаго съ тарелкою за столомъ государя.

По вечерамъ я часто заходилъ къ Шеллеру. Онъ далъ мнѣ нѣсколько стихотвореній, напечатанныхъ въ моей «Дешевой Библіо-

текстъ». За одно, переводъ марсельезы, впрочемъ, очень неточный, вызывали меня для «внушенія» въ цензурный комитетъ.

Журналъ мой былъ подцензурный. Тогда это могло служить оправданіемъ. Но цензору, старику Смирнову, крѣпко досталось за архикрасный стихъ:

Въ гризи рождается народъ.

— Вы меня подвели,—упрекалъ Смирновъ меня.—И я вамъ теперь все буду марать. Не терять же мнѣ изъ-за вапихъ либеральныхъ кукишей въ карманѣ мѣсто. Я семейный. Ну васъ къ Богу.

И мараль Смирновъ жестоко, пока я не упросилъ дать мнѣ другого цензора.

Михайловъ-Шеллеръ написалъ очень много. Полное изданіе его сочиненій, кажется, не имѣло успѣха. Онъ очень скоро пережилъ свою славу. Въ послѣдніе годы жизни этотъ передовой писатель 60-хъ годовъ и столпъ вліятельнаго журнала «Дѣло» долженъ былъ ограничиться номинальнымъ редакторствомъ «Сына Отечества», принадлежавшаго бывшему наборщику Добродѣеву. Въ «Сынѣ Отечества» сидѣлъ графоманъ Куплетскій. Но два другія изданія г. Добродѣева—«Живописное Обзорѣніе» и ежемѣсячный журналъ—были всецѣло въ рукахъ Шеллера. Ни тому, ни другому онъ не сумѣлъ придать жизни, энергіи, интереса. Самъ онъ сознавалъ это, и мучился въ душѣ безсиліемъ сдѣлать хотя на половину того, что, какъ редакторъ, такъ легко дѣлалъ Благосвѣтловъ, не имѣвшій и десятой доли его способностей. Добродѣевъ не жалѣлъ денегъ, не вмѣшивался въ литературную часть, и однакоже почти все напечатанное подъ редакціей Шеллера не выше шаблона и заурядности; отъ всего вѣетъ холодомъ; вокругъ него толпились неудачники, графоманы, покаявшіеся либералы, и т. д.

Хуже всего, что онъ отлично понималъ ихъ малопорядочность и продолжалъ печатать ихъ унылую стряпню. Новая литература обходила его. Онъ самъ не шелъ въ изданія, пріобрѣтавшія значеніе, а его не находили нужнымъ звать.

Въ его писаніяхъ, умно и гладко написанныхъ, всегда проглядывало нѣчто холодное, ремесленное, дѣланное, въ кабинетѣ высиженное. Было время, романы его охотно читались, особливо дамами, но они не оставляли послѣ себя никакого впечатлѣнія. Онъ не создалъ ни одного типа; всѣ его повѣствованія—холодное резонерство, сочиненное, а не жизнь. Герои и героини у него сливаются въ одну сѣрую массу.

Произошло это, полагаю, оттого, что онъ не создавалъ, а буквально сочинялъ свои романы и своихъ героевъ по извѣстному рецепту. Кромѣ того, Шеллеръ не зналъ Россіи и настоящей русской жизни; онъ слишкомъ много писалъ и слишкомъ мало жилъ. По недѣлямъ, кромѣ какъ на прогулку или въ кружкѣ на эстраду

для чтенія, Александръ Константиновичъ никуда не выходилъ. Въ послѣднее десятилѣтїе своей жизни онъ усиливался поставить себя во главѣ литературной и учащейся молодежи. Думаю, это ему не удалось. Ни одного выдающагося таланта онъ не выдвинулъ.

— Людей нѣтъ, жаловался онъ.

Люди были. Онъ не умѣлъ только отгадывать талантливыхъ. Мнѣ временами казалось, что онъ былъ не чуждъ и зависти. Отсюда проистекала его желчность, его филиппики, о коихъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ г. Фаресовъ.

Самъ Шеллеръ работалъ особеннымъ образомъ. Я видалъ у него программы его будущихъ романовъ: листы съ содержаніемъ главъ; все здѣсь было заранѣе опредѣлено, даже разговоры дѣйствующихъ лицъ; все подведено подъ извѣстную тенденцію. Не оказывалось и признаковъ творчества. Правда, и Лейкинъ имѣлъ записную книжечку, въ которую помѣщалъ всѣ смѣшныя словечки, слышанныя имъ, и потомъ ими, такъ сказать, наспигивывалъ свои сценки. Но это совсѣмъ другое: Шеллеръ не наблюдалъ, ничего не подмѣчалъ изъ жизни, а выдумывалъ весь романъ и всѣ характеры своихъ героевъ. Онъ смѣялся и не понималъ стиха Пушкина:

И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще велсно различалъ...

Онъ даль и конецъ своихъ романовъ созерцалъ задолго до того, когда они бывали написаны.

Исключая «Жизни Шупова», всѣ романы Шеллера являются не продуктомъ творчества, не отраженіемъ жизни и живыхъ людей, а холодной кабинетной комниляціей, часто умно придуманной, но мертвой.

Такъ же кабинетно, разсудочно, говорятъ, работалъ Зола. Но у того была бездна наблюдательности, изученія предмета; на это изученіе онъ посвящалъ годы; къ тому же для успѣха Зола снабдилъ свои безчисленные романы откровенной порнографіей, пристегнулъ ихъ къ культу Наполеона III. Цѣломудренный Шеллеръ терпѣть не могъ порнографіи; общественныхъ движеній нѣтъ въ его романахъ, а изучать что-либо изъ того, что онъ описывалъ, считалъ излишнимъ. Онъ даже Петербурга хорошо не зналъ, и, кромѣ Новой Деревни, почти увѣренъ, никакой другой деревни не видѣлъ.

Какъ-то онъ жилъ въ Стрѣльнѣ и не полюбопытствовалъ ни разу взглянуть на море.

Холодомъ вѣетъ отъ его романовъ.

Проспживая подолгу съ нимъ въ его жильѣ на Сергіевской и толкуя о литературѣ, о событіяхъ (а тогда событія были зна-

менательныя), я всегда дивился, какъ можетъ такой умница, какъ Александръ Константиновичъ, неустанно корѣть въ кабинетѣ и вовсе не интересоваться водоворотомъ практической жизни.

XVI.

Странная въ тѣ поры была жизнь. Нѣсколько безобразная, но полная искренности и неизбѣжныхъ при этомъ увлеченій. Пьянствовали сильно, безобразничали много, но не просто свиныхъ вкусовъ ради, какъ нынѣ, а безобразили и пили съ честной тенденціей. Въ ходу были заявленія протестовъ противъ всего рутиннаго, шаблоннаго. Женщины, дѣвушки спѣшили «развиться». Бѣдныя, какъ много ихъ сбилось съ толку на этихъ кривыхъ путяхъ якобы развитія; сколькихъ слопали безсовѣстные холодные сердцемъ эгоисты, какихъ и тогда было не мало...

Устраивались коммуны, т. е. общія квартиры, въ которыхъ жили мужчины и женщины. Иныхъ отношенія были небезгрѣшны, но въ общемъ не было ни холоднаго цинизма, ни той скверненькой окраски, каковою подернуты пикантѣйшія страницы романа Лѣскова «Некуда». Онъ изрядно-таки наклеветалъ на тѣхъ, кого описывалъ.

«Вѣра твоя спасетъ тебя», говорится въ писаніи. А мы крѣпко, слѣпо вѣрили въ наши иллюзіи.

Помню, однажды ночью разбудила меня знакомая акушерка Софья Мартыновна З. и начала уговаривать ѣхать на сходку.

— Который часъ? Спать пора,—говорю.

— Выдумалъ. Всего половина двѣнадцатаго. Ёдемъ.

— Кто тамъ будетъ?

— Многіе. Вудетъ II-ій изъ «Отечественныхъ Записокъ».

Я поморщился. Это былъ довольно-таки бездарный писака изъ такъ называемаго «лѣтняго» персонала, которыхъ статьи попадали лишь въ лѣтнее пустынное время, за отъѣздомъ на отдыхъ главныхъ столповъ редакціи.

— Обѣщалъ пріѣхать и NN.

Акушерка назвала довольно популярное имя.

Неохотно, позѣвывая, я всталъ, одѣлся, и мы поѣхали. Ёхать пришлось далеко, куда-то на Выборгскую.

Комната большая, сильно накурено. Въ табачныхъ облакахъ едва можно различить людей. На столѣ самоваръ, колбаса, водка. Толпится много студентовъ, женщинъ-слушательницъ изъ акушерскихъ курсовъ, стриженныхъ, въ черныхъ и сѣрыхъ кофтахъ, съ грязными подолами. Мелькаютъ и наивныя дѣтскія личики. Жаль, что онѣ, бѣдныя, попали въ такой водоворотъ. Но главныя тараторки и коноводки—всѣ изъ такъ называемыхъ мимозъ:

прикоснись и уколешься. Немолодыя, некрасивыя, щеголявшія своею развязностью.

Сумбуръ рѣчей: десятокъ говоритъ въ одно время. Мимозы, не успѣвъ перекричать, бранятся. Идетъ обсужденіе капитальнаго вопроса: какъ уравнивать людскія отношенія, чтобы не было ни родительскаго пристрастія къ дѣтямъ, ни пристрастія мужчинъ и женщинъ къ тѣмъ, кто имъ нравится.

Родители отдають часто свое состояніе бездарнымъ и развращеннымъ сыновьямъ и дочерямъ и жалѣють рубль на поддержку умницъ, которыхъ считаютъ чужими.

Мужчины и женщины всѣмъ жертвуютъ любимымъ п совершенно равнодушны къ общественнымъ интересамъ. Такія отношенія ненормальны. Но они вовсе не такъ ужъ неизмѣнимы, какъ кажется. Родительская любовь—слѣдствіе привычки.

Родится безпомощное маленькое существо. Мать бережетъ его, лелѣетъ; оно растетъ у нея на рукахъ, и она къ нему привязывается. Даже постороннія женщины, воспитывая ребенка съ колыбели, привязываются къ нему.

Очевидно, стоитъ только ввести общественное воспитаніе, и родительское пристрастіе исчезнетъ.

Но возникали затрудненія: при общественномъ воспитаніи кормилицы, выкармливая младенцевъ, все же привяжутся къ нимъ.

На сцену выступилъ П-й — человѣкъ уже немолодой—и предложилъ, чтобы няньки общественнаго пансіона брали ребятъ безъ выбора и подносили къ перегородкѣ, въ которой будутъ прорѣзаны отверстія. Черезъ эти отверстія кормилицы просунуть свои сосцы и будутъ питать дѣтей, не зная, кого кормятъ. Никакой родительской любви тогда не зародится. Вырастетъ поколѣніе только согражданъ и собственность понемногу упразднится, утративъ важнѣйшій стимулъ: стремленіе накопить и оставить накопленное близкимъ. Всѣ наслѣдства будутъ выморочныя, общественныя.

П-й очень гордился своимъ проектомъ.

Этого господина я встрѣчалъ впоследствии; онъ служилъ на довольно видномъ мѣстѣ, накоплялъ и очень казался привязаннымъ къ своему золотушному потомству.

— А помните ваши рѣчи на сходкѣ?—напомнилъ я ему.

Онъ обидѣлся и началъ увѣрять, что никогда ничего подобнаго не говорилъ.

Сходка закончилась часу въ четвертомъ утра. Популярная личность, ради которой я пріѣхалъ, надула и не явилась.

— Кому далеко домой, можетъ ложиться спать здѣсь,—сдѣлала предложеніе хозяйка квартиры Роза Яковлевна, акушерка, несомнѣнно, еврейка.

Человѣкъ десять—мужчинъ и женщинъ—остались ночевать.

Политика вкралась въ кружки мыслящихъ людей много времени спустя: къ концу семидесятыхъ годовъ. Шестидесятники думали только о возрожденіи народа; шли въ народъ будить спящихъ, бодрить рабовъ, сбросившихъ оковы. Все намъ казалось возможнымъ и легкимъ; всякая иллюзія осуществимой.

Никто бы тогда и сказать не посмѣлъ, какъ говорятъ современные неомарксисты биржевого толка: мужикъ—грязная скотина; земля въ его рукахъ—мертвый капиталъ. Его слѣдуетъ эмансипировать отъ земли, провести чрезъ горнило фабрики, а землю предоставить капиталу, который и обратитъ ее въ Эльдорадо.

Сытость, одна сытость не была нашимъ идеаломъ.

Наивно вѣрилось, что когда помѣщики разорятся, земли достанутся непременно крестьянамъ. Припоминаю чье-то стихотвореніе, кажется, напечатанное въ «Современникѣ»:

Нашъ помѣщикъ Пантелѣевъ
Все кутилъ, кутилъ, кутилъ.
А крестьянинъ Малофѣевъ
Клокъ землицы отхватилъ...

Но не пришлось, какъ мы надѣялись, Малофѣевымъ отхватить клокъ землицы у прокутившагося Пантелѣева. Выдвинулись безобразныя рыла кулаковъ, Иудушекъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, и захватили землицу; выдвинулись израильтяне, чуждые всему, что не пахло наживой, и начали свою гегемонію, которой когда наступитъ конецъ, одинъ Ты, о Господи, вѣси.

XVII.

Секретаремъ въ редакціи «Листка» былъ нынѣ уже покойный Петръ Суворовъ, служившій въ интендантствѣ; личность недаровитая. Богъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось! Онъ незадолго до смерти выпустилъ книгу «Изъ дальняго прошлаго»—сумбурное изданіе, переполненное самовосхваленіями и тенденціями крайне затхлыми. А въ 60-хъ годахъ это былъ ярый либераль.

Онъ страстно желалъ что-нибудь напечатать у Благосвѣтлова въ «Дѣлѣ», хотя бы стихотвореніе,—и все было тщетно.

Отличаясь смѣлостью, впрочемъ, гражданскою, а не военною, Суворовъ прорвался къ Тургеневу и прочиталъ ему свою поэму «Замокъ Туранъ». Тургеневъ далъ ему рекомендательную записку. Но «Турана» въ «Дѣлѣ» все же никогда не напечатали.

Вспомню здѣсь о другой личности, неизмѣримо болѣе талантливой сравнительно съ П. Суворовымъ—о Всеволодѣ Владимировичѣ Крестовскомъ. Онъ тоже былъ либераль при началѣ своего писательства и даже либераль очень красный... Къ концу жизни онъ тоже превратился въ «сѣраго».

Кажется, въ 1867 году, когда я еще жилъ въ Вильнѣ, былъ я хорошо и близко знакомъ съ Василиемъ Федоровичемъ Ратчемъ— милымъ и умнымъ старымъ генераломъ. Онъ занимался безконечнымъ своимъ описаніемъ «польской крамолы»; у него были всѣ слѣдственные и военно-судныя дѣла. Я перечитывалъ показанія многихъ моихъ «старыхъ» знакомцевъ съ большимъ интересомъ, и на душѣ у меня становилось горько при мысли, что такіе мелкіе, слабодушные людишки сумѣли надѣлать такъ много смутъ.

Но не объ этомъ теперь рѣчь. Печатать мои виленскія замѣтки о «мрачномъ сонмищѣ» пока еще не время.

У В. Ф. Ратча на обѣдѣ я встрѣтилъ молодого человѣка съ армянскимъ типомъ лица, довольно плотнаго, съ веселыми глазами, котораго хозяинъ рекомендовалъ мнѣ, назвавъ Крестовскимъ, со-сѣдомъ своимъ по имѣнію.

— Онъ пробудетъ въ Вильнѣ недѣли двѣ,—объяснилъ Ратчъ.— Въ гостиницѣ дорого и безпокойно, у васъ квартира въ нѣсколько комнатъ, пріютите Крестовскаго.

Я согласился съ охотой.

Слава Крестовскаго тогда, благодаря напечатаннымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго «Петербургскимъ трущобамъ», достигла апогея. Виднаго писателя я видѣлъ впервые. За обѣдомъ мы сошлись съ Крестовскимъ, и затѣмъ онъ уже отправился со мною и поселился у меня въ квартирѣ моей, противъ св. Яна.

Разсказчикъ Всеволодъ Владимировичъ былъ превосходный; характера общительнаго. Но, къ моему удивленію, не любилъ литературы.

— Я принимаюсь писать тогда только, когда нужда заставляетъ,—говорилъ онъ.—И вообще ремесло литература скверное...

Меня нѣсколько коробилъ такой взглядъ.

— Романы— это лганье,—продолжалъ Крестовскій.

— А публицистика?

— Толченіе воды. Я думаю заняться чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ.

— Заняться чѣмъ-нибудь серьезнымъ и оставить литературу!—подумалъ я:—и это говоритъ видный писатель. Ужъ не кошмаръ ли мнѣ снится.

Съ Крестовскимъ мы бывали въ виленскомъ военномъ собраніи, и скоро его популярность въ Вильнѣ сдѣлалась прямо чудовищною. Узнавъ, что онъ живетъ у меня, мужчины и женщины виленскаго русскаго кружка, женщины въ особенности, настаивали привезти его къ нимъ.

Мнѣ это скоро надоѣло. Но Крестовскій бывалъ и пожиналъ лавры.

Дней черезъ десять онъ объявилъ, что уѣдетъ на мѣсяцъ. Часть вещей оставилъ у меня. Куда и зачѣмъ ѣдетъ,—не сказалъ.

Прошло болѣе мѣсяца. Какъ-то разъ сажу и пописываю свои очерки «Мрачнаго сонмища» (сгорѣли во время пожара въ имѣніи жены, въ селѣ Клешкахъ) и слышу: кто-то идетъ. Звенятъ шпоры; кухарка впустила безпрепятственно.

— Кто бы это могъ быть?

Признаюсь, сердце у меня дрогнуло. Навѣрное жандармъ. Никто другой не могъ бы входить такъ безцеремонно.

Тогда въ Вильнѣ былъ уже не Муравьевъ, а Кауфманъ; никого не вѣшали. Но кто знаетъ, для меня могли сдѣлать исключеніе...

Входитъ военный. Мундиръ, перевязь, кисточки, какъ у жандарма; звенитъ саблей,—словомъ, все, какъ должно. Жандармъ. Мундира я не рассмотрѣлъ и встаю.

— Чего ты встревожился?—слышится знакомый голосъ.

Да это Крестовскій. Что за маскарадъ?

— Видишь, поступилъ на службу. Теперь я юнкеръ X... уланскаго полка.

— А литература?

— Ну ее къ чорту. Совѣтую и тебѣ поступить въ уланы.

Я, разумѣется, не поступилъ.

Крестовскій прожилъ у меня еще дней пять и уѣхалъ къ мѣсту служенія. Юнкерство его самого нѣсколько смущало, и онъ въ общество не показывался до полученія перваго чина.

Прошли года. Въ 80-хъ годахъ встрѣтился со мною на Невскомъ толстый, претолстый полковникъ. Я издавалъ «Лучъ» и очень бранился.

— Вотъ идетъ злющій С. С. Окрейцъ,—сказалъ толстый полковникъ, глядя на меня и улыбаясь.

Очень близорукій, я не узналъ, кто бы это могъ быть. Уже отойдя довольно далеко, сообразилъ, что встрѣтился мнѣ В. В. Крестовскій.

Больше я его не встрѣчалъ.

XVIII.

Заканчиваю настоящій отрывокъ изъ моихъ старинныхъ литературныхъ воспоминаній разсказомъ о моемъ перномъ издательскомъ крушеніи.

Я упоминалъ ранѣе, что купилъ отъ Мануила Хана его журналъ «Всемирный Трудъ». Вѣдный Ханъ ошибся въ расчетъ. Послѣ закрытія «Современника», при одиѣхъ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, хотя и выходившихъ два раза въ мѣсяцъ и переполненныхъ трескучимъ романомъ В. В. Крестовскаго, но довольно-таки пустенькихъ, онъ еще могъ существовать. Жур-

налъ Некрасова убилъ хановское изданіе; ве помогли и «Жертвы вечернія» г. Боборыкина.

Ханъ пришелъ и предложилъ мнѣ купить «Всемірный Трудъ» за двѣ тысячи рублей, при условіи окончить годъ, т. е. добавить восемь книгъ.

Тогда начальникъ печати Лонгиновъ непремѣнно требовалъ удовлетворить подписчиковъ отъ всякаго продававшаго изданіе или приостанавливавшаго таковое.

Жаль, что этотъ хорошій приѣмъ не практикуется больше. Въ Москвѣ, напримѣръ, одинъ еврей, кажется, три раза прекращалъ свое изданіе, недодавалъ подписчикамъ книгъ и номеровъ и къ январю новаго наступившаго года снова открывалъ подписку.

— Очень выгодное дѣло,—увѣрялъ достопочтенный Хацкель.

Принявъ отъ огорченнаго Хана его изданіе, я съ нимъ заключилъ условіе, чтобы онъ числился «отвѣтственнымъ редакторомъ». Меня Лонгиновъ никогда не утвердилъ бы редакторомъ; въ моей «Дешевой Библіотекѣ» печатались Успенскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Шеллеръ, что уже само по себѣ лишало меня кредита и довѣрія въ глазахъ Лонгинова.

Но Ханъ, оставаясь редакторомъ, далъ подписку не только не вмѣшиваться въ дѣла журнала, но и не ходить въ редакцію. Никого изъ его бывшихъ сотрудниковъ работать я не пригласилъ. Первая книга подъ моимъ руководствомъ вышла довольно-таки безцвѣтной, но, къ удивленію, вызвала предостереженіе.

Иду къ Лонгинову объясняться.

Вышелъ онъ изъ кабинета и такъ опредѣленно говорить:

— Когда выйдетъ вторая книга — дамъ второе предостереженіе, а послѣ третьей — третье и закрою изданіе на полгода.

— Послушайте,—возражаю:—какъ вы такъ можете говорить? Вторая моя книга, можетъ быть, не заслужить кары.

— Все же дамъ предостереженіе. Я вамъ лично не довѣряю и журнала, издающагося безъ предварительной цензуры, въ вашихъ рукахъ не оставляю.

Пришлось уйти.

Второе предостереженіе я получилъ, кажется, за какой-то рассказъ изъ народной жизни, присланный изъ Сибири.

Это меня разозлило.

Иду въ отдѣленіе цензуры иностранной, помѣщавшейся по Обуховскому проспекту, и прошу дать мнѣ свидѣніе: дозволенъ ли къ обращенію въ подлинникъ и въ переводъ романъ Фридриха «Полицейскій тирантъ»?

Въ романѣ рассказывались злоупотребленія и насилія берлинской полиціи въ 1848 году. Завѣдующій иностранною цензурою отвѣтилъ категорически:

— Романъ Фридриха къ переводу дозволенъ.

— Будьте добры дать мнѣ объ этомъ формальное удостовѣреніе.

— Зачѣмъ это вамъ? Вы что издаете?

— У меня цензоромъ въ «Дешевой Библіотекѣ» старичокъ Смирновъ—крайне мнительный. На слово не повѣритъ.

На другой день изъ цензуры иностранной мнѣ было выдано удостовѣреніе за номеромъ и числомъ, что «Полицейскій тиранъ» къ переводу дозволенъ.

Третья книжка «Всемирнаго Труда» составлена была мною изъ романа Фридриха, какой-то сценки Лейкина, статьи Сильчевскаго, тогда еще очень молодого человѣка, и моей обширной полемической статьи, направленной противъ Н. К. Михайловскаго.

Какъ бывшій сотрудникъ «Дѣла», я считалъ нужнымъ полемизировать съ нимъ.

Книга вышла самая безгрѣшная.

Однако, воспослѣдовало третье предостереженіе съ мотивировкою (тогда мотивировка была обязательна), гласившей, что несчастный «Полицейскій тиранъ» не можетъ быть допущенъ, по своему вредному направленію и содержанію.

Признаться, я былъ радъ. Предстояла возможность насолить Лонгинову, а его имя было далеко непопулярно даже въ самыхъ консервативныхъ кружкахъ тогдашней литературы.

Но всѣ мои хлопоты въ высшихъ инстанціяхъ остались безуспѣшны и, разумѣется, журналъ мой послѣ этого инцидента погибъ окончательно. Въ то же время погибла и «Дешевая библіотека». Послѣднюю я продалъ книгопродавцу Меркулеву.

Ничего у меня не осталось. Къ счастью, не было и долговъ. Въ это время я былъ уже женатъ. Надо было подумать: что и какъ предпринять?

Ломбардъ тогда помѣщался на Б. Мѣщанской (нынѣ Казанская улица). Заложивъ въ немъ приданное серебро и кое-какія золотыя вещи, я въ довольно скверномъ расположеніи духа остановился въ большихъ сѣняхъ. Наверхъ, во второй этажъ, веда широкая лѣстница. Разныя лица шли по ней.

— Что тамъ?—спрашиваю сторожа.

— Сохранная казна,—отвѣчаетъ.—Тамъ сегодня торги: имѣнія продаваться будутъ.

Зашелъ наверхъ. Столоначальникъ любезно предложилъ списокъ имѣній, назначенныхъ къ торгамъ. Читаю: имѣніе «Клешки» Витебской губерніи, Невельскаго уѣзда; земли 186 десятинъ; усадьба; лѣсу строевого 40 десятинъ, часть рыбнаго озера Иванъ. Продается за 650 руб.

— Какъ дешево,—удивляюсь:—за 650 руб. земля, воды и даже усадьба.

— И вовсе не за 650,—усмѣхаясь говоритъ столоначальникъ:—а надо уплатить всего 65 руб. и купчая бесплатно, остальной

долгъ сохранная казна переведетъ на васъ и разсрочить на 37 лѣтъ изъ 6 0/0.

— Да не можетъ быть?

— Торгуйтесь. Вотъ торговый листъ, записывайтесь.

Въ 3 часа пополудни я уже былъ помѣщикомъ имѣнія «Клешки», купленного за 65 руб.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Разоренія землевладѣльцевъ въ 80-хъ годахъ дѣлаются понятными, если сообразить, до чего пали цѣны на землю.

— И много у васъ въ сохранной казнѣ продается имѣній?— спрашиваю столоначальника.

— Много. Болѣе тысячи. Никто не покупаетъ, особливо бѣлорусскихъ.

Весной я уѣхалъ въ свои «Клешки», прожилъ лѣто, но не ужился. Снова потянуло меня въ Питеръ.

Но это уже будетъ второй періодъ моего издательства и петербургскихъ приключеній, о конхъ говорить пока какъ будто рановременно.

С. С. Окрейцъ.

